

Ромен Роллан

Четырнадцатое июля

Народу Парижа

Чтобы нация стала свободной, ей нужно только захотеть этого.

Лафайет (11 июля 1789 г.).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор стремился здесь не столько к точному описанию событий, сколько к раскрытию моральных истин. Изображая борьбу, овеянную поэтической легендой, он считал возможным свободнее обращаться с историей, чем когда писал «Дантона». В «Дантоне» автор ставил себе задачу как можно точнее обрисовать психологию нескольких действующих лиц, — там вся драма сосредоточена в судьбах трех или четырех великих людей. «Четырнадцатое июля» — полная противоположность: здесь отдельные личности растворяются в народном океане. Чтобы изобразить бурю, нет надобности выписывать отдельно каждую волну — нужно написать бушующее море. Точность в передаче деталей не так важна, как страстный и правдивый охват целого. Есть что-то фальшивое и даже оскорбительное в несоразмерном значении, которое придается теперь маловажным событиям — мельчайшей пыли истории — за счет живой человеческой души. Оживить силы прошлого, все то, что в них сохранилось действительного, — вот в чем наша задача. Мы отнюдь не собираемся предлагать вниманию десятка избранных ценителей старины одну из тех бесстрастных миниатюр, где чувствуется скорее стремление воспроизвести костюмы и моды времени, нежели внутренний мир героев. Разжечь пламенем республиканской эпопеи героизм и веру нации, достичь того, чтобы дело, прерванное в 1794 году, было возобновлено и завершено народом более зрелым и глубже понимающим свое предназначение, — вот к чему мы стремимся. Мы недостаточно сильны для того, чтобы это осуществить, но мы полны твердой решимости продвигаться вперед к намеченной цели. Искусство призвано служить не мечте, а жизни. Под влиянием зрелища, изображающего действие, должна родиться и воля к действию.

Ромен Роллан.

Июнь 1901.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лазар Гош, 21 года. — Высокий, худой; волосы и глаза черные; с правой стороны лба легкий шрам до середины носа; небольшой рот; прекрасные зубы. Выражение серьезности отличает задумчивое с оттенком печали лицо, на котором, как и на всем облике Гоша, лежит отпечаток сильной воли. Печаль едва заметна — он скрывает ее. («Человек этот умрет молодым, изнуренный непосильной работой, неудачами, подозрениями и недугом, который исподволь подтачивает его могучий организм».) Бодрость и отвага берут верх, и в тяжелые минуты он изумляет всех своим юношески-звонким смехом.

Пьер-Огюст Гюлен, 31 года. — Очень высокий, широкоплечий блондин. Флегматичен, молчалив, медлителен, смеется беззвучно, не приемлет доводов рассудка, невозмутимо упрям, подвержен припадкам необузданной ярости. Он остался бы в стороне от борьбы, если бы его не заставлял действовать пример его друга Гоша, а также врожденная

порядочность и потребность дать выход своей богатырской силе. («Человек этот, хотя и не проявляет собственной инициативы, но ни перед чем не отступит. Выйдя из ничтожества, достигнет всего и все примет как должное. Впоследствии — граф империи, дивизионный генерал, кавалер ордена Почетного Легиона, губернатор покоренного Милана, Вены, Берлина, комендант Парижа, председатель военного суда, который вынес смертный приговор герцогу Энгиенскому».)

Жан-Поль Марат , 46 лет. — По происхождению испанец, родился в Швейцарии. Очень мал ростом (меньше пяти футов), крепкого сложения, но не толст. Фабр д'Эглантин набросал чудесный его портрет: «Мощная шея, широкое, скуластое лицо, нос изогнутый, приплюснутый, как бы перебит, с длинным кончиком, нависающим надо ртом; небольшой рот часто искривляется судорожным подергиванием; тонкие губы; большой лоб; серо-желтые живые глаза, от природы добрые и проницательные; взгляд уверенный; редкие брови; цвет лица — нездорового, свинцового оттенка; волосы темные, всегда в беспорядке, растительность на лице темнее волос... Ходил он быстро, мерным шагом, слегка враскачку, высоко подняв откинутую назад голову. Руки обычно держал крепко скрещенными на груди, но стоило ему начать говорить, как жесты становились порывистыми. Подчеркивая свою мысль, он выставлял вперед ногу, постукивал ею о землю и вдруг поднимался на носки, как бы желая дотянуться до высоты высказываемых им мыслей. Сила его голоса, мужественного и звучного, потрясала. Дефект произношения, мешавший точно выговаривать звук «с», который у него получался скорее как «з», и некоторая связанность речи — из-за чрезмерно тяжелой нижней челюсти — искупались убежденностью и энергией, с какой он говорил. Одевался он, не считаясь с условностями моды и вкуса, настолько небрежно, что производил впечатление человека неряшливого». Крайне обостренное восприятие всего окружающего держало его в постоянном напряжении, которое разряжалось иногда неистовыми взрывами. Он обладал редкостным здравым смыслом, глубоко развитым нравственным чувством и был по-настоящему добродушен, хотя и пытался это скрывать. Страстная любовь к истине, стремление к душевной чистоте заставляли его, не лукавя, признавать свои ошибки, когда он их сознавал.

Камилл Демулен , 29 лет. — Адвокат при парламенте. Его портрет дан в «Дантоне». В ту пору, о которой идет речь, он моложе, чем в «Дантоне», но выглядит старше: счастье еще не улыбнулось ему. Он похож на поджарую борзую собаку. Парижский озорник — смелый и бесшабашный: лицо пожелтело, преждевременно увяло от нужды, бессонных ночей и рассеянной жизни; улыбающийся, гримасничающий рот, неправильные черты лица.

Максимилиан де Робеспьер , 31 года. — Депутат Национального собрания. Его портрет смотри в «Дантоне». Но сейчас лицо Робеспьера округлее и мягче, на нем еще нет отпечатка суровости, который наложат на него впоследствии усталость и сознание ответственности. Безмолвно возгорающееся яркое пламя. Душа еще не знает, какая таится в ней сила. Но сила эта уже зреет, хотя она и проявляется пока только в его высокомерном, холодном, пессимистическом стоицизме, в том, что, не веря в успех своего дела, он пожертвовал ему всем.

Гоншон-«Патриот» , 40 лет. — Содержатель игорных притонов в Пале-Рояле. Маленького роста, коренастый; большое, одутловатое, изрытое оспой лицо. Тщеславный фигляр, хвостун и лжец, старается казаться грязным, неуклюже пародируя Мирабо.

Феликс-Юбер де Вентимиль , маркиз де **Кастельно** , 60 лет.

Бернар-Рене Журдан , маркиз де **Лоней** — губернатор Бастилии, 49 лет.

Де Флюэ — командир отряда швейцарцев, 50 лет.

Бекар — инвалид, 70 лет.

Луиз-Франсуаз Конта́ — актриса «Театр франсэ», 29 лет. Напоминает женские образы Буше. Полная блондинка, хохотунья, с насмешливым ртом, глазами немного навывкате, покатым лбом и мягкими очертаниями подбородка; дерзкая и чувственная. «Глаза говорят, взгляд жалит» (Гонкур). Эльмира из «Гартюфа», или скорее Сюзанна из «Фигаро». Талия из «Театр франсэ».

Анна-Люсиль-Филиппа Ларидон-Дюплесси (Люсиль Демулен), 18 лет. — Смотри ее описание в «Дантоне», а также прелестный ее портрет работы Буальи в музее Карнапале. Нежна, чувственна, ребячлива, романтична и насмешлива.

Маленькая Жюли, 9—10 лет, — юная дочь народа, голубоглазая, хрупкая, тоненькая, бледненькая.

Мари-Луиз Бужю — торговка овощами. За 60 лет.

Народ, жители Парижа:

Женщина из народа — мать Жюли.

Мальчик 7 лет .

Носильщик .

Маньяк .

Студент .

Владелец столярной мастерской .

Нотариус .

Продавцы газет .

Торговцы из Пале-Рояля.

Девицы из Пале-Рояля.

Солдаты французской гвардии .

Инвалиды .

Швейцарцы .

Зеваки, гуляющие, щеголи .

Рабочие, голодранцы, женщины из народа, дети .

Все классы, все возрасты.

Действие происходит в Париже 12—14 июля 1789 года.

Первое действие — в Пале-Рояле, воскресное утро 12 июля.

Второе действие — в Сент-Антуанском предместье, в ночь на вторник 14 июля.

Третье действие — в Бастилии и на площади Ратуши, во вторник 14 июля, между четырьмя и семью часами пополудни.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Воскресенье, 12 июля 1789 года, около 10 часов утра. Из кафе «Фуа» открывается вид на сад Пале-Рояля. В глубине сцены — «Круг»¹. Направо — бассейн с бьющим фонтаном. Между «Кругом» и галереями Пале-Рояля — аллея. Торговцы стоят, не решаясь отойти ни на шаг, у порога своих лавок с патриотическими надписями на вывесках, прославляющими «великого Неккера» и Национальное собрание. Девицы с обнаженной грудью, с голыми плечами и руками, с букетами цветов, точно султаны, торчащими в прическах, прогуливаются в толпе, вызываясь оглядывая встречных. Разносчики выкрикивают названия газет. Содержатели игорных домов (и среди них Гоншон) спуют в домашних халатах в сопровождении людей, вооруженных дубинками. Банкометы со складными табуретами под мышкой подходят то к одной, то к другой группе, останавливаются на минуту и тут же, на открытом воздухе, располагаются со своей игрой, сворачиваемой, как географическая карта, достают мешки с деньгами и

¹ Так называлась огороженная трельяжем терраса, нечто вроде цветущего грота посреди сада. — *P. P.*

исчезают так же внезапно, как и появляются. Оживленная, беспокойная толпа, еще не знающая, что предпринять. Люди то рассаживаются перед кафе, то вскакивают и убегают при малейшем шуме, становятся на стулья и столы, приходят, уходят. Толпа мало-помалу растет и к концу акта заполняет весь сад и галереи, многие даже влезают на деревья, цепляются за ветви. Тут все классы общества — голодные нищие, рабочие, буржуа, аристократы, солдаты, священники, женщины. Дети продолжают играть, путаясь под ногами прохожих.

Продавцы газет . Раскрыт крупный заговор! Голод! Настает голодуха! Душегубы под Парижем!

Голоса из толпы (*подзывает их*) . Эй!.. Сюда!..

Человек из народа (*с тревогой, к буржуа, читающему газету*) . Ну, что там?

Буржуа . Вы только послушайте, друг мой! Они идут! Немцы, швейцарцы... Париж окружен! С минуты на минуту они будут здесь!

Человек из народа . Король не допустит этого.

Оборванец . Король? Так ведь и он там, с немцами, в Саблонском лагере!

Буржуа . Король — да. Но не королева. Австриячка нас ненавидит. Ее маршал, старик де Брольи, — разбойник, он поклялся раздавить Париж. Мы — в тисках между пушками Бастилии и войсками Марсова поля.

Студент . Войско не тронется с места. Господин Неккер в Версале — он печется о нас.

Буржуа . Да, пока господин Неккер — министр, еще не все потеряно.

Оборванец . А почему вы знаете, что он еще министр? Они уже убрали его.

Все . Нет, нет, он остается!.. В газете сказано, что он остается!.. Ах! Не будь господина Неккера, все было бы потеряно!

Девицы (*прогуливаясь*) . Сегодня ни от кого никакого проку! Все словно рехнулись! Версаль да Версаль, только и разговору!

— У меня был один мальчишка, тот тоже все твердил о Неккере.

— Подумать только! Неужели и вправду эта потаскуха-австриячка засадила наших депутатов в тюрьму?!

Банкометы (*таинственно позвякивая под носом у гуляющих мешками с монетами*) . Крепс, десять да десять, тридцать одно, бириби... Попытаем счастья, господа, попытаем счастья!

Торговцы . Еще только десять, а в саду полно народу. Вот что значит воскресенье и хорошая погода, к вечеру тут и вовсе не пройдешь.

— Снаружи густо, а внутри пусто. Все приходят сюда, просто чтобы разузнать новости.

— Неважно! Надо только уметь взяться за них!

Гоншон (*торговцам*) . Ну как, друзья мои? Пошевеливайтесь, пошевеливайтесь! Обдeldывать свои делишки — это еще не все! Разумеется, и о делах не следует забывать, но сейчас надо прежде всего быть добрыми патриотами. А главное, не зевайте, черт подери. Имейте в виду, каша заваривается.

Торговцы . Вам что-нибудь известно, господин Гоншон?

Гоншон . Будьте начеку! Шторм надвигается. Все по местам! А в нужный момент побейте этих болванов и горланьте вместе с ними, не жалея глоток...

Торговец . Да здравствует Нация!

Гоншон (*дает ему тумака*) . Замолчи, олух!.. Да здравствует герцог Орлеанский!.. А теперь можешь горланить и за нее и за него. Так он у нас незаметнее проскочит!

Камилл Демулен (*выходит из игорного дома; он возбужден, смеется, бормочет что-то*) . Ободрали! Обчистили! Предупреждал я тебя, Камилл, что обворуют. Ну и хорошо: все потеряно. Значит, терять больше нечего! Я всегда предвижу свои безумства, но, благодарение богу, это не мешает мне совершать их... Как-никак убил два часа. Где же курьер из Версаля? Неужели до сих пор не прибыл? Мошенник! Все они спелись, как ярмарочные воры. А ты здесь жди, умирай от нетерпения! Тебя подстерегают жулики в своих притонах. Вот и заходишь туда, лишь бы провести время. Надо же чем-нибудь занять

руки и все остальное. На то ведь и существуют карты да женщины. Они сумеют избавить вас от лишних денег. У меня в карманах гуляет ветер. Кошелек — новехонек! Не желаете ли убедиться? Вот! Ни одной монетки!

Девуцы (*подсмеиваясь над ним*) . Тебя обчистили, чистили, чистили... и еще почистят.

Камилл Демулен . Нашли чем гордиться, летучие мыши Венеры! Обобрали голяка! Ну да черт с вами со всеми, я на вас не в обиде.

Будь у меня, что просадить,
Я просадил бы снова.

Старый буржуа . Кошелек игрока — всегда настезь.

Гоншон . Молодой человек! Я вижу, вы нуждаетесь в деньгах. Я готов ссудить под вашу цепочку три эю — только из уважения к вам.

Демулен . Великодушный Гоншон, тебе не терпится содрать с меня последнюю рубашку и, как святого Иоанна, пустить по миру нагишом... Предоставь это здешним девушкам — они сумеют управиться и без тебя.

Гоншон . Ах, прощельга, да знаешь ли ты, с кем говоришь?

Демулен . Ты — Гоншон; этим все сказано. Ты — ювелир, ростовщик, часовщик, кабатчик, сводник. Ты — все. Ты — Гоншон, король притонов.

Гоншон . Что ты там мелешь? Какие такие притоны? Я основал несколько клубов, где люди встречаются для естественных и добропорядочных развлечений, а также обсуждают способы преобразования государства. Это собрания свободных граждан, патриотов, заботящихся о благе родины...

Демулен . Бедная родина! Кто только ею не клянется!

Гоншон . Это общество людей, берущих за образец природу и естественного человека.

Демулен . И общество женщин, не противящихся нашему естеству.

Гоншон . Висельник! Если ты так низко пал, что неспособен уважать достойного гражданина, уважай по крайней мере того, под чьим покровительством находится мое заведение и чье имя оно носит.

Демулен (*не глядя на вывеску*) . Какое имя? «Сорок воров»?

Гоншон (*в ярости*) . Имя великого Неккера.

Демулен . Ты беспощаден к нему, Гоншон... (*Взглянув на надпись.*) А что там, с изнанки?

Гоншон . Так, ничего.

Демулен . Здесь изображен еще кто-то.

Гоншон . Это герцог Орлеанский. Два лика одной персоны.

Демулен . Перед и зад!

В толпе, прислушивающейся к их разговору, смех. Гоншон, которого окружили торговцы, угрожающе наступает на Демулена.

Ладно, ладно, попридержи-ка своих телохранителей! Им ведь ничего не стоит убить человека. Ты хочешь, чтобы я удостоверил твою благонадежность? О Янус Гоншон! Изволь, вот справка: ты отбираешь хлеб у честных людей, чтобы кормить парижских прохвостов. Честным людям не остается ничего другого, как взяться за оружие. *Audax et edax*². Да здравствует Революция!

Гоншон . Я прощаю тебя. Не драться же нам, когда неприятель стоит у стен... Да к тому же ты мой клиент. Но мы еще встретимся, когда версальцы будут здесь.

Демулен . Разве они в самом деле подходят?

² Отвага и беспощадность (*лат.*).

Гоншон . А! Бледнеешь! Да, будет бой! Лотарингские и фландрские наемники на Гренельской равнине; артиллерия в Сен-Дени, немецкая кавалерия в Военной школе. В Версале маршал, окруженный адъютантами, отдает приказы перед боем. Они атакуют нас сегодня ночью.

Женщина . Господи, помилуй! Что с нами станется?

Буржуа . Разбойники! Мы, французы, для них хуже неприятеля.

Рабочий (Гоншону) . Откуда тебе все известно? Ведь дорога в Версаль отрезана. Они установили пушки на Севрском мосту. Никого не пропускают.

Гоншон . Ты что, подозреваешь меня? Смотри! Всякий, кто посмеет сомневаться в моей преданности Нации, отведает моего кулака. Разве Гоншон не всем здесь известен?

Рабочий . Никто тебя не подозревает. Успокойся. Не время теперь грызться друг с другом. И без того хватит дела. У тебя только спрашивают, откуда ты получил сведения.

Гоншон . Я никому не обязан давать отчет. Что знаю, то знаю. У меня свои источники.

Другой рабочий (первому) . Оставь его! Он парень ничего, простецкий.

Буржуа . Боже мой! Что же нам делать?!

Студент . К воротам! Все к воротам! Не пропустим их!

Буржуа . Как же это мы можем не пропустить?! Жалкие, безоружные люди, не обученные военному делу, да разве мы сумеем оказать сопротивление лучшим войскам королевства!

Другой . Какое там! Они уже вошли! А здесь эта Бастилия въелась в нас, как язва, подтачивает наши силы и никак от нее не избавишься!

Рабочий . А! Проклятая! Кто нам поможет свалить ее?

Студент . Сегодня в Бастилию ввели еще одну роту швейцарцев.

Другой . Пушки оттуда направлены прямо на Сент-Антуанское предместье.

Рабочий . Ничего, ничего не удастся сделать, пока у нас в зубах эти удила. Надо прежде всего освободиться от них.

Буржуа . Но каким способом?

Рабочий . Способа я не знаю. Надо просто взять ее.

Все (сумрачно и недоверчиво) . Взять Бастилию?! (*Отворачиваются друг от друга.*)

Продавцы газет (издали) . Новости!.. Самые свежие новости... Смертельная схватка под Парижем!..

Мужчина (маниакального вида, истощенный, в поношенном платье) . Не солдат мы должны опасаться. Они не нападут на нас.

Все . Что?

Маньяк . Они не нападут на нас. Их план куда проще: держать нас в осаде, пока мы не умрем с голоду.

Рабочий . Сдается мне, что с их помощью дело идет к тому. Стоишь, стоишь у булочных с утра и до поздней ночи.

Женщина . Мука стала роскошью.

Маньяк . С завтрашнего дня подвоза вовсе не будет.

Буржуа . Куда же они девают зерно?

Маньяк . Уж я-то знаю. Они ссыпали его в каменоломни, в Санлис и Шантийи, — пусть, мол, сгниет, лишь бы не досталось нам.

Буржуа (недоверчиво) . Быть этого не может!

Маньяк . Это именно так.

Женщина . Он верно говорит. В Шампани кавалерия уничтожила хлеб на корню, чтобы уморить нас с голоду.

Маньяк . Мало того! Они кладут отраву в хлеб, который продают нам. Съешь — обжигает горло и внутренности. В моем квартале умерло двадцать человек. Таков приказ из Версаля. Уморить нас точно крыс.

Демулен . Нет такого короля, который пожелал бы истребить свой народ. Для этого нужно быть Нероном. Франция еще не дошла до такого безумия.

Маньяк (*таинственно*) . Я знаю, в чем секрет. Французов развелось слишком много. Вот они и решили поубавить народу во Франции.

Демулен . Ты болен, дружище, тебе надо полечиться.

Рабочий . В его словах есть доля истины. Королеве хочется, чтобы все мы подошли.

Демулен . Какой ей в этом прок?

Рабочий . Она же австриячка, черт подери! Австрияки всегда были врагами Франции. Если австриячка и вышла за нашего короля, так только для того, чтобы легче было напасть на нас. До тех пор, пока она у нас, нам не будет покоя.

Другие . Он прав. Вон из Франции австриячку!

Конта (*из толпы*) . А почему вон?

Толпа . То есть как «почему»?

Конта (*выступая вперед*) . Вот именно. Почему? Очумели вы, что ли? Кидаются на самую очаровательную из женщин!

Толпа . Этого еще не хватало! Кто смеет заступаться за австриячку?

— Каковая наглость! Это уж слишком! Нам плюют в лицо!

Демулен (*к Конта*) . Молчите, не надо отвечать им. Уходите отсюда скорее.

Конта . Я никуда не тороплюсь.

Демулен . Смотрите, нас окружают. Сбегаются со всех сторон.

Конта . Тем лучше!

Оборванец . Что ты там бормочешь, аристократка? А ну, повтори!

Конта (*отстраняя его*) . Не дыши мне в лицо. Я сказала: «Да здравствует королева!»

Толпа (*вне себя*) . А! Проклятая ведьма!

Приказчик . Этой красотке не худо бы задать хорошую порку.

Конта . А вот этой глупой роже недолго придется ждать оплеухи. (*Бьет его по лицу.*)

Приказчик . На помощь!

Одни смеются, другие кричат.

Толпа (*сбегаясь*) . Сюда, сюда!

— Что случилось?

— Аристократка избивает патриота!

— В воду ее!..

Демулен . Граждане! Это шутка...

Толпа (*в ярости*) . В воду ее!..

Гюлен (*расталкивая толпу*) . Эй! (*Заслоняет собою Конта*) . Вы знаете меня, друзья! Я — Гюлен. Вы видели меня в деле. Это я выломал ворота Аббатства, чтобы освободить наших товарищей, французских гвардейцев. И я проломлю голову первому, кто посмеет тронуть ее. Уважайте женщин, черт вас дерит! Если хотите драться — врагов довольно. Сыскать их нетрудно!

Толпа . А ведь он прав!

— Bravo!

— Вовсе нет! Она нас оскорбила. Пусть просит прощения!

— На колени, аристократка!

— Пусть кричит: «Долой королеву!»

Конта . И не подумаю. (*Демулену.*) Помогите мне. (*Взбирается на стол.*) Если ко мне будут приставать, я закричу: «Долой Неккера». (*В толпе гул.*) Вам меня не запугать. Вы думаете, я струшу оттого, что вас много и что вы рычите на меня сотней глоток? У меня глотка всего-навсего одна, но она стоит ваших. Я привыкла говорить с народом. Каждый вечер я встречаюсь с вами. Я — Конта.

Толпа . Конта из «Театр франсэ»!

— Из «Театр франсэ»!

— А! а!..

— Дай-ка посмотреть!

— Да замолчите вы!

Конта . Вы не любите королеву? Вы хотите избавиться от нее? Что ж, выгоняйте из Франции всех красивых женщин! Только скажите: мы быстро соберем пожитки. Посмотрим, как вы обойдетесь без нас. Какой дурак назвал меня аристократкой? Я — дочь торговли селедками, моя мать содержала лавчонку возле Шатлэ. Я так же работаю, как и вы. Я так же, как и вы, люблю Неккера. Я — за Национальное собрание! Но я не потерплю, чтобы мною командовали; и даю слово: если бы вы, черт подери, потребовали, чтобы я закричала: «Да здравствует Комедия!» — я бы крикнула: «Долой Мольера!» Думайте, что хотите. Дуракам закон не писан. Но такого закона нет, чтобы здравомыслящих людей заставлять делать глупости. Я люблю королеву и открыто заявляю об этом.

Студент . Еще бы! Они работают на паях. У них общий любовник — граф д'Артуа.

Двое рабочих . Ну и баба! Этой пальца в рот не клади.

— За словом в карман не полезет!

Демулен . Граждане, нельзя требовать от королевы, чтобы она высказывалась против королевской власти. Истинная королева — вот она, перед вами! Те, кого называют королевами, — призрачные властительницы, чучела в коронах! В лучшем случае они способны произвести на свет дофина. Как только он вылупится, их можно бросить на свалку. А ведь они живут на наш счет и обходятся нам недешево. Разумнее всего было бы отправить австрийскую наседку обратно в курятник, откуда ее заполучили за большие деньги. Будто француженки сами не способны рожать детей! Другое дело — королевы театра! Они созданы на радость народу. Каждый час их жизни посвящен служению нам. Каждый их взгляд дарит нам наслаждение. Они — наша плоть, наше достояние, наша национальная собственность. Именем пухленькой Венеры защитим ее и крикнем все вместе: да здравствует королева подлинная, вот эта, да здравствует Конта!

Аплодисменты и смех.

Толпа . Да здравствует королева Конта!

Конта . Спасибо. (*Демулену.*) Помогите же мне — вы, кажется, любезнее других. Ну что, насмотрелись на меня? Вот и хорошо, а теперь пропустите. Если пожелаете снова меня увидеть — дорога в театр всем известна. Как вас зовут?

Демулен . Камилл Демулен. До чего же вы неосторожны! Я ведь предупреждал вас! Натерпелись страху?

Конта . Да из-за чего?

Демулен . Вас чуть не убили.

Конта . Какие пустяки! Они всегда так — горланят, а зла никому не причиняют.

Демулен . О, слепота! Верно говорят, что презирает опасность лишь тот, кто не знает, что это такое.

Толпа . Эта бабенка не растеряется!

— Да, черт возьми, уж если она чего-нибудь захочет...

Рабочий . И все же, сударыня, нехорошо ополчаться на нас, бедняков, и становиться на сторону эксплуататоров.

Маньяк . Да что с ней говорить! Спекулянтка!

Конта . Что?! Я — спекулянтка?

Маньяк . Смотрите, какой у нее парик.

Конта . Ну и что же?

Маньяк . Сколько на нем пудры! Мукой, которой эти бездельницы посыпают себе башку, можно было бы накормить всех бедняков Парижа.

Рабочий (*к Конта*) . Не обращайтесь на него внимания. Это слабоумный. Но если у вас доброе сердце, сударыня, — а я вижу по вашим глазам, что вы добрая, — как же вы можете защищать негодяев, жаждущих нашей смерти?

Конта . Твоей смерти, дружок? С чего ты это взял?

Студент . Так вам, значит, ничего не известно? Вот смотрите: последнее письмо приспешника австриячки, маршала иезуитов, старого палача, осла, увешанного амулетами, ладанками и медалями, этого самого де Броли. Знаете, что он пишет?

Толпа . Читайте! Читайте!

Студент . Они вступили в заговор. Хотят уничтожить наши Генеральные Штаты, похитить наших депутатов, бросить их в тюрьму, изгнать нашего Неккера, продать Лотарингию императору, чтоб было чем заплатить за наемное войско, бомбардировать Париж, усмирить народ. Заговорщики выступают ночью.

Гоншон . Слыхали? Довольно с вас, или вас и этим не проймешь? Благодарю покорно! Неужели мы позволим, чтобы нас закололи, как свиней? А! Тысяча чертей! К оружию! По счастью, у нас есть защитник, который неустанно печется о нашем благе. Да здравствует герцог Орлеанский!

Люди Гонсона . Да здравствует герцог Орлеанский!

Толпа . К оружию! Бей их!

Марат (*вскакивает на стул; маленького роста, нервный; когда волнуется, повышает голос и встает на носки*) . Остановитесь, несчастные! Куда вы? Разве вы не понимаете, что эти душегубы только и ждут, чтобы вы взбунтовались? Тогда, воспользовавшись смутой, они обрушат на вас свою злобу. Не слушайте коварных подстрекателей. Эти негодяи хотят погубить вас. Вот ты, да, да, именно ты — ты разжигаешь страсти в народе, изображаешь из себя патриота, а кто поручится, что ты не агент деспотов, что не тебе именно велено мутить народ, предавать добрых граждан версальским разбойникам? Кто ты такой? Откуда ты взялся? Кто может нам поручиться за тебя? Я тебя не знаю.

Гоншон . Но ведь и я не знаю тебя.

Марат . Если ты не знаешь меня, так это потому, что ты негодяй. Я известен всюду, где нищета и добродетель. Ночами я ухаживаю за больными; дни мои посвящены заботам о благе народа. Меня зовут Марат.

Гоншон . Ну, а я не знаю тебя.

Марат . Если ты не знал меня до сих пор, так скоро узнаешь, предатель! О народ, легковерный и безрассудный, открой наконец глаза! Да знаешь ли ты хотя бы, что это за место? Подумал ли ты об этом? Вот, значит, куда стекается парижский люд и где собирается добывать свободу... Оглянись, оглянись же вокруг! Ведь это логово эксплуататоров, бездельников, мошенников-банкометов, жуликов, проституток, переодетых полицейских — прихвостней аристократии!

В толпе раздаются протестующие вопли: «Долой!», поднимаются кулаки.

Демулен . Bravo, Марат! Здорово сказано!

Конта . Кто этот маленький неряха с такими прекрасными глазами?

Демулен . Он врач и журналист.

Другая часть толпы . Продолжайте!

Аплодисменты.

Марат . Меня не смутят вопли этих предателей, этих пособников голода и рабства! Они отбирают у вас последние деньги ухищрениями шулеров; последнюю энергию — ухищрениями девок; последние остатки здравого смысла — оглушая вас водкой! Дураки! Вы добровольно предаетесь им. Доверяете им свои тайны, свою жизнь! Здесь, в каждой кофейной, за любой из этих колонн, всюду — рядом с вами, из-за угла, за вашим столом — вас подслушивает шпион, подсматривает, записывает ваши слова, готовя вам гибель. Вы стремитесь к свободе — так бегите же из этого вертепа! Прежде чем вступить в решительную схватку, подсчитайте свои силы. Где ваше оружие? Его у вас нет. Куйте пики,

изготавливаете ружья... Где ваши друзья? Их у вас нет. Ваш сосед готов обмануть вас. Тот, кто протягивает вам руку, возможно, уже решил предать вас. А вы сами — так ли уж вы уверены в себе? Вы воюете с развратом, а сами развращены. (*Улюлюканье в толпе.*) Вам не нравятся мои слова? Ну что ж... А если бы аристократы не пожалели золота и втянули вас в свои оргии, — можете ли вы поручиться, что устояли бы? Вы не заставите меня молчать. Я выскажу вам всю правду. Вы слишком привыкли к льстецам, которые угождают вам и предадут вас. Вы суетны, тщеславны и легкомысленны, у вас нет ни настоящей силы, ни выдержки, ни доблести. Весь ваш порыв растрачивается на болтовню. Вы мягкотелы, нерешительны, безвольны, вы трепещете при одном виде ружейного дула...

Толпа . Довольно! Довольно!

Марат . Вы кричите: довольно! Я кричу с вами вместе, и вам не заглушить меня. Да, довольно! Довольно распутства, перестаньте слушать глупцов. Довольно подлостей! Соберитесь с силами, образумьтесь, очиститесь, закалите ваши сердца, препояшьте ваши чресла! О сограждане мои, я говорю вам правду в глаза, может быть, чересчур резко говорю, но ведь это потому, что я люблю вас.

Конта . Смотрите! Он плачет.

Марат . Вас одурманивают опиумом. А я буду беречь ваши раны до тех пор, пока вы не сознаете ваши права и ваши обязанности, до тех пор, пока вы не станете свободными, до тех пор, пока вы не станете счастливыми. Да, наперекор вашему безрассудству вы будете счастливы, будете счастливы, или я умру! (*Обливается слезами и заканчивает свою речь прерывающимся от рыданий голосом.*)

Конта . Он весь в слезах! До чего же он смешной!

Народ (*одни смеются, другие громко одобряют*) . Вот истинный друг народа! Да здравствует Марат!

Народ окружает Марата, его поднимают и проносят на плечах несколько шагов, не обращая внимания на его протесты.

Гюлен (*заметив девочку, которая смотрит на Марата глазами, полными слез*) . Малютка, что с тобой? Ты-то о чем плачешь?

Девочка не сводит глаз с Марата, которого уже опустили на землю. Она бежит к нему.

Маленькая Жюли (*Марату, умоляюще сложив руки*) . Не плачьте! Не плачьте!

Марат (*глядя на ребенка*) . Что с тобой, малютка?

Жюли . Умоляю вас — не огорчайтесь!.. Мы исправимся, да, я вам обещаю, мы не будем больше подлыми, мы не будем лгать, мы будем добродетельными, клянусь вам!..

Толпа смеется. Гюлен знаком призывает окружающих замолчать и не смущать девочку. Марат садится и слушает Жюли. Выражение его лица меняется, светлеет. Он смотрит на ребенка с большой нежностью, берет ее руки в свои.

Марат . О чем же ты плачешь?

Жюли . Я плачу, потому что вы плачете.

Марат . Разве ты меня знаешь?

Жюли . Когда я была больна, вы лечили меня.

Марат (*ласково привлекает ее к себе, отбрасывает ей волосы со лба, смотрит в глаза*) . Да, действительно. Тебя зовут Жюли. Твоя мать прачка. Зимой ты болела корью. Ты испугалась тогда. Ты кричала, что не хочешь умирать.

Она отворачивается, он улыбается, прижимает ее к груди.

Не смущайся. Значит, ты понимаешь меня? Ты за меня? А знаешь ли ты, чего я хочу?

Жюли . Да, я тоже хочу... *(Невнятно бормочет.)*

Марат . Чего же ты хочешь?

Жюли *(поднимает голову и говорит с убежденностью в голосе, вызывающей улыбки взрослых)* . Свободы.

Марат . Для чего?

Жюли . Чтобы освободить.

Марат . Кого?

Жюли . Несчастных, которые заперты...

Марат . Где же они заперты?

Жюли . Там, в громадной тюрьме. Они совсем одни, всегда одни — все забыли о них.

В настроении толпы наступает перелом. Внезапно люди становятся серьезными; некоторые насупили брови и, не глядя друг на друга, устали в землю, что-то бормочут, точно говорят сами с собой.

Марат . Откуда ты знаешь об этом, малютка?

Жюли . Я знаю... Мне говорили... Я часто думаю об этом ночью.

Марат *(глядя ее по головке)* . По ночам надо спать.

Жюли *(помолчав немного, с живостью хватая руку Марата)* . Мы ведь освободим их, правда?

Марат . Как же это?

Жюли . Надо только пойти всем вместе.

Толпа *(хохочет)* . Вот именно. Нет ничего легче!

Девочка поднимает голову и видит плотное кольцо людей, которые с любопытством смотрят на нее. Она облокачивается на стол Гюлена и от смущения прячет личико в сгиб руки.

Конта . Как она мила!

Марат *(смотрит на Жюли)* . О, святость детства, чистая звезда доброты, как услаждает душу твое сиянье! Какой беспросветный мрак окутал бы землю, если бы не существовало детских глаз! *(Направляется к ребенку и подносит к губам ее повисшую вдоль тела ручку.)*

Женщина из народа *(вбегая)* . Жюли!.. Как ты сюда попала?! Что тут происходит? Почему ее окружили все эти люди?

Демулен . Она держала речь к народу.

Хохот.

Мать . Боже мой! Она такая робкая! Что на нее нашло?!

Мать устремляется к Жюли, но не успевает прикоснуться к ней, как Жюли с ребячьим дикарством вскакивает и убегает, не произнеся ни слова.

Толпа *(хохоча и хлопая в ладоши)* . Спасайся, чертенок!

В глубине сада слышны громкие крики.

— Бежим туда! Скорее!

— Что там случилось?

— Графиню купают!

Конта . Купают графиню?

Толпа . Она поносила народ; за это ее окунули в бассейн.

Конта (*взяв Демулена под руку, хохочет*) . Бежим скорее! Господи! До чего же это забавно!

Демулен . Самое увлекательное зрелище во всей Европе!

Конта . Дерзкий!.. А наша Комедия?!

Рассмеявшись, оба уходят. Народ с криками и смехом убегает. На первом плане остаются Марат и Гюлен — первый стоит, второй сидит за одним из столиков кофейной. В глубине сцены — плотная толпа; некоторые, взобравшись на стулья, смотрят на что-то, происходящее за сценой. На втором плане, под сводами галерей, продолжают снова проходить.

Марат (*угрожая толпе кулаком*) . Шуты! Им нужна не свобода, а зрелища. Даже в такой день, как сегодня, когда их жизнь поставлена на карту, они изощряются в нелепых выдумках. На все готовы, только бы потешить друг друга. Нет! Хватит с меня. Их восстания похожи на фарс. Если б можно было не видеть всего этого, запереться в подземелье, куда не доходят извне никакие звуки, — оградить себя от людской низости! (*Опускается на стул и роняет голову на руки.*)

Гюлен (*продолжает спокойно сидеть, покуривая трубку и равнодушно, не без иронии, поглядывая на Марата*) . Полно, господин Марат, к чему отчаиваться? Не стоит. Они всего лишь большие дети — вот и забавляются, как могут. Вы их знаете так же хорошо, как я. Ведь это не всерьез. Зачем же принимать все так трагически?

Марат (*поднимая голову и сурово глядя на него*) . А ты кто такой?

Гюлен . Я — ваш земляк из Невшателя в Швейцарии. Не узнаете? Я-то вас хорошо знаю. Еще ребенком видел в Будри.

Марат . Ты — Гюлен? Огюстен Гюлен?

Гюлен . Он самый.

Марат . Что ты здесь делаешь? Ты ведь был часовщиком в Женеве.

Гюлен . Там я жил спокойно. Но мое спокойствие длилось недолго. Мой брат занялся какими-то сомнительными махинациями и опозорил свое честное имя. Затем он счел за благо умереть, оставив жену и трехлетнего ребенка без средств к существованию. Чтобы вытащить их из беды, я продал свою мастерскую. Пришлось отправиться в Париж на заработки, и вот я поступил на службу к маркизу де Вентимиллю.

Марат . Теперь меня не удивляют твои гнусные речи. Ты — лакей.

Гюлен . Не вижу в этом ничего дурного.

Марат . И тебе не стыдно прислуживать? Разве ты не такой же человек, как и он?

Гюлен . Тут нечего стыдиться! Все мы кому-нибудь служим, каждый на свой лад. Вот вы — врач, господин Марат. Целый день вы осматриваете всякие болячки и стараетесь возможно лучше лечить их. Вы ложитесь спать чуть ли не на рассвете и вскакиваете ночью по первому зову больных. Разве это не служба?

Марат . Я служу не хозяину, я служу человечеству. А ты пошел в лакеи к негодяю, к презренному аристократу.

Гюлен . Как он ни плох, он все же нуждается в услугах. Вы ведь не спрашиваете тех, кого вы лечите, хороши они или плохи. Они люди, я хочу сказать — такие же бедняги смертные, как и мы с вами. Когда они нуждаются в помощи, надо помочь — тут уж нечего торговаться! Богатство развратило моего хозяина, как и всех прочих ему подобных, и он не способен обслуживать себя сам. Надо не меньше пятидесяти рук ему на подмогу! А у меня сил хоть отбавляй, еще на троих хватило бы! Иной раз так и разнес бы все... Этому болвану нужны мои услуги — я ему продаю их. Мы квиты. Польза от этого не только ему, но и мне.

Марат . Но ведь ты продаешь заодно и свою свободную душу и свою совесть.

Гюлен . С чего ты это взял? Попробуй сунься кто-нибудь отнять их у меня!

Марат . Но ты же ему подчиняешься, не смеешь высказать свое мнение?

Гюлен . Какой мне прок от того, что я его выскажу? Что я думаю, то думаю. Только пустозвоны орут на ветер. Мои мысли — это мои мысли, — других они не касаются.

Марат . Ничто, даже твои мысли, не принадлежит тебе. Ты сам себе не принадлежишь. Ты только частица мироздания. Ты обязан ему своей силой, своей волей, своим умом, как бы мало всего этого ни было тебе отпущено,

Гюлен . Воля и ум — это не монета, которую отдаешь и получаешь всю целиком. На другого работаешь всегда хуже, чем на самого себя. Я обрел свободу. Пусть другие добьются того же.

Марат . Как я узнаю в этих словах моих ненавистных соотечественников! Оттого только, что природа наделила их ростом в шесть футов и здоровенными мускулами, они позволяют себе презирать всех, кто слаб и немощен. Управившись с работой на своем поле, собрав урожай, они усаживаются на пороге своих домиков с трубкой во рту и смрадным табачным дымом усыпляют свое и без того слабое сознание. Они считают, что их долг выполнен, и говорят всем, кто несчастен, когда те молят о помощи: «А кто мешает тебе делать то же, что делаю я?»

Гюлен *(спокойно)* . Вы отлично разобрались во мне. Я именно такой и есть. *(Смеется про себя.)*

Гош *(входит в мундире капрала французской гвардии. Через руку переброшены какие-то портняжные изделия. Обращается к Марату)* . Не верь ему, гражданин! Он клеветает на себя. Он не может видеть чужое горе без того, чтобы тут же не оказать помощи. На прошлой неделе, когда мы шли освобождать наших товарищей, французских гвардейцев, которых аристократы заперли в Аббатстве, он не только примкнул к нам, но пошел впереди.

Гюлен *(не оборачиваясь, через плечо протягивает ему руку)* . Это ты, Гош? Что ты суешься не в свое дело? И рассказываешь всякие небылицы. Я уже объяснил, что мне некуда девать свою силу; когда она разгуляется во мне, я вышибаю ворота или ломаю стены. Да, черт подери! Если я вижу, что человек тонет, я его вытаскиваю — тут, по-моему, раздумывать нечего. Но я не подстерегаю людей, собирающихся топиться, и уж ни в коем случае не стану топить их для того, чтобы потом спасать, как поступают наши любители революций.

Марат . Ты стесняешься признаться, что способен делать добро? Я презираю фанфаронов, которые кичатся своими пороками. *(Поворачивается к нему спиной; Гошу.)* Что это у тебя?

Гош . Я вышиваю жилеты и ношу их на продажу.

Марат . Нечего сказать, занятие для солдата! Так ты шьешь одежду?

Гош . Не думаю, чтобы это было менее достойно, чем дырявить ее штыком.

Марат . И тебе не стыдно отбивать хлеб у женщин? Так вот чем ты занимаешься! Торгуешь, подсчитываешь барыши, стараешься загрести деньгу! И это в то время, когда Париж может захлебнуться в крови!

Гош *(спокойно и немного пренебрежительно)* . Пока у нас еще есть время. Всею своя пора.

Марат . У тебя ледяное сердце. И пульс, наверно, едва бьется. Нет! Ты не патриот! *(Гюлену.)* А ты, ты преступнее любого злодея. По природе ты добродетелен, тебя тянет к добру, но ты стремишься извратить свою натуру. О свобода! Вот каковы твои защитники! Равнодушные к опасностям, тебе угрожающим, они пальцем не пошевельнут, чтобы отстоять тебя... Хорошо же! Пусть все покинут меня — я никогда от тебя не отрекнусь. Буду блюсти интересы народа. И спасу его, вопреки ему самому. *(Уходит.)*

Гюлен *(не двигаясь и не вынимая трубки изо рта, смотрит вслед Марату и усмехается)* . Веселый парень, нечего сказать! На все глядит сквозь розовые очки! Он ведь мой соотечественник, лекарь. Сразу видно, что привык отправлять людей на тот свет. Должно быть, в розницу ему это занятие прискучило, вот он и перешел к оптовой отправке, занявшись врачеванием человечества.

Гош *(с выражением интереса и жалости провожает взглядом уходящего Марата)* . Честнейший человек! Страдания человечества терзают его сердце. Он не в состоянии рассуждать спокойно. Он болен добродетелью.

Гюлен . Откуда ты знаешь Марата?

Гош . Я читал его книги.

Гюлен . Не нашел занятия получше! Где ты их взял!

Гош . Купил на деньги, вырученные от продажи жилетов, которыми он так попрекал меня.

Гюлен (*приглядываясь*) . А ну, покажись! Что это у тебя? Опять дрался с кем-нибудь?

Гош . Ты угадал.

Гюлен . Дикарь! Где это тебя так отделали?

Гош . На площади Людовика Пятнадцатого... Немцы. Наглость этих чужестранцев, расположившихся, как у себя дома, в моем Париже, взорвала меня. Я не мог удержаться и стал дразнить их. Они кинулись на меня — все на одного. Народ пришел мне на выручку, нас разняли, но я все же успел здорово отделать парочку-другую этих господ.

Гюлен . Нечего сказать, хорошо! Дорого тебе обойдется твоя проделка.

Гош . Ерунда! Окажи мне услугу, Гюлен, прочитай это письмо.

Гюлен . Письмо кому?

Гош . Королю.

Гюлен . Королю? Ты пишешь королю?

Гош . А почему бы мне и не писать королю? Он такой же потомок Адама, как и я. Если я в состоянии дать ему хороший совет, кто может запретить мне советовать, а ему — слушать?

Гюлен (*насмешливо*) . Что же ты ему присоветовал — королю?

Гош . Вот что: я пишу ему, что следует распустить войска, вернуться в Париж и самому произвести Революцию.

Гюлен хохочет.

(*Улыбаясь*) . Спасибо. Я понял. Твои доводы великолепны, и к ним стоит прислушаться, но... они меня не интересуют.

Гюлен . Чего же ты хочешь в таком случае?

Гош (*смущенно*) . Я не уверен насчет слога... и орфографии... Не очень я силен во всем этом.

Гюлен . Ты и вправду думаешь, что он станет читать твое письмо?

Гош . Неважно!

Гюлен . Ну, ладно! Я подправлю твое сочинение.

Гош . Ах, Гюлен! Какой ты счастливiec, что получил образование! А вот я, сколько бы ни корпел теперь, никогда уже не наверстаю упущенного.

Гюлен . Наивный человек! Неужели ты и вправду считаешься на это письмо?

Гош (*добродушно*) . Сказать откровенно — не слишком. И все же неужели все эти скоты, которые управляют Европой, не могли бы хоть раз прислушаться к голосу разума, к самому обыкновенному здравому смыслу?! Ведь такое великодушие ничего бы им не стоило. А если не захотят — пусть пеняют на себя. Обойдемся и без них!

Гюлен . Чем заниматься переустройством мира, ты бы лучше подумал, как самому выпутаться из беды. На тебя донесут, если уже не донесли. Знаешь, что будет с тобой, когда ты вернешься в казарму?

Гош . Я-то знаю, а вот знаешь ли ты, что будет с казармой, когда я вернусь?

Гюлен . А что?

Гош . Увидишь.

Гюлен . Что ты еще задумал? Угомонись! И без тебя беспорядка достаточно!..

Гош . Когда порядок равносителен несправедливости, тогда беспорядок становится началом справедливости.

Гюлен . Справедливость! Справедливо не требовать от жизни больше того, что она может дать. Мир не переделывают — принимай его таким, каков он есть. Зачем стремиться к

невозможному?

Гош . Бедняга Гюлен! Ты так уверен, что знаешь, где границы возможного?

Гюлен . Что ты имеешь в виду?

Гош . Пусть только народ свершит то, что он в состоянии свершить, и ты увидишь, что мир можно переделать.

Гюлен . Если тебе нравится заблуждаться, оставайся при своих иллюзиях. Я не стану тебя разубеждать.

Гош . Почему же? Не церемонься со мной, Гюлен, разоблачай мои заблуждения. Я презираю игру в прятки с самим собой, трусливый идеализм, который закрывает глаза, лишь бы не видеть зло. Я вижу зло, и оно не смущает меня. Я знаю не хуже тебя нашу злосчастную, легковерную толпу, знаю, как часто она становится жертвой своих страстей, пугается тени и, забывая правое дело, предает своих друзей.

Гюлен . Так что же?

Гош . Ведь и пламя капризно: оно колеблется от малейшего дуновения, отклоняется в сторону, дым заволакивает его. И все же пламя горит и поднимается к небу.

Гюлен . Сравнение еще не доказательство. Вглядишься в это сборище бездельников и болтунов, посмотри на этого смутьяна-адвокатишку, на эту здоровенную девицу, которой только бы орать на всех этих пожилых младенцев, заносчивых и трусливых!.. Верить народу! Да тебя обязательно надуют! Мое жизненное правило: ни на кого не рассчитывай! Оказывай им услуги всякий раз, когда сможешь, но сам от них ничего не жди. У меня голова на плечах и крепкие кулаки. Вот во что я верю: в себя.

Гош . Что и говорить, ты надежный товарищ. И все же в этой темной массе больше силы и здравого смысла, чем в любом из нас. Даже и нравственно она выше. Без народа мы — ничто. Откуда во мне эта жажда справедливости, это необъяснимое волнение, от которого у меня захватывало дух еще в детстве, когда к нам приходили вести из Америки, поднявшейся против английских деспотов? Откуда опьянение, которое я испытал две недели назад, когда наши депутаты поклялись не расходиться до тех пор, пока не освободят народ?

Гюлен . Откуда же, как не из тебя самого!

Гош . Нет, ты не понимаешь. Это такая сила, которая в тысячу раз превосходит мою. От нее распирает грудь. И я чувствовал ее во многих других простых людях — таких же рабочих и солдатах, как я. Ты не родился среди них, ты не умеешь читать в их сердцах. Да и сами они не разбираются в своих чувствах. Нищета, невежество, голод, заботы не оставляют им ни времени, ни сил познать самих себя. Они видят, но не верят своим глазам. Чувствуют, как бурлит в них сила, но сомневаются в ней — она пугает их. Чего бы только они не могли свершить, если б понимали свою силу! И чего они не свершат, когда поймут!

Гюлен . А что же способно объединить и направить в нужную сторону этот хаос?

Гош . Необходимость! Настанет момент, когда достаточно будет одного мановения — и миры рухнут.

Гюлен (*ударяя его по плечу*) . Ты — честолюбец! Ты мечтаешь властвовать над народом.

Гош . Безмозглый силач! Нашел честолюбца! Ты и вправду думаешь, что втайне я мечтаю о чинах? (*Оглядывает свой мундир.*)

Гюлен . А тебе так уж ничего и не надо? Что это с тобой сегодня? У тебя такой радостный вид. Уж не произведен ли ты в сержанты?

Гош (*пожимая плечами*) . Сегодня воздух насыщен радостью.

Гюлен . Однако ты не слишком требователен! Голод. Неминуемая резня. Твой народ на краю гибели... А с тобой что будет? Придется или идти против тех, кого ты любишь, или умереть вместе с ними.

Гош (*улыбаясь*) . Ну и прекрасно.

Гюлен . Ты находишь, что это прекрасно? Вот-вот грянет гром и все сокрушит.

Гош (*смеется*) . Да, прекрасно.

Гюлен (*смотрит на него*) . Ты веришь в свою звезду?

Гош (*со смехом пожимает плечами*) . Нет, Гюлен, не верю. Звезды — это для бездельников, для аристократов. У таких бедняков, как я, не бывает своей звезды. Ты-то знаешь, как я жил до сих пор. Крестной матерью мне была нужда. Ведь я сирота от рождения и никогда не знал матери. Если б не моя старая тетка, торговка овощами, я бы воспитывался в каком-нибудь ханжеском приюте или был бы предоставлен своим дурным наклонностям. Благодаря тетке я познал трудолюбивую бедность, которая закаляет душу. Благодаря ей я узнал, сколько скрытых достоинств, сколько железной энергии в этом народе, над которым легко издеваться, сидя здесь, за столиком кофейной. Славная женщина! всю жизнь она трудилась, как каторжная, но даже в старости так и не довелось ей узнать ни минуты отдыха; чтобы не умереть с голоду, она и в жару и в стужу выходила из дому и опухшими руками толкала свою тележку — и так до последних дней, когда она уже была тяжело больна и останавливалась на каждом шагу, до того мучило ее удушье. Но, несмотря ни на что, Гюлен, она умела смеяться! Я так и вижу ее румяное, улыбающееся лицо. Я, конечно, всячески старался найти себе в жизни какое-нибудь применение, снять с нее бремя забот обо мне. Начал я свой жизненный путь конюхом. Если меня произведут когда-нибудь в генералы, я не так буду рад, как в тот день, когда впервые заработал себе на кусок хлеба. Да! Это было совсем не плохое время! Даже и теперь я вспоминаю нашу конюшню с благодарностью! И есть за что! Там я прочитал Руссо. Как-то я подобрал в канаве грязные странички, вырванные из книги. (Я и сейчас не расстаюсь с ними.) Однажды в воскресенье товарищи мои разошлись, и я остался один в конюшне, растянулся на соломе подле лошадей и принялся читать... Нет, это было не чтение — я слышал, видел... Все окружающее исчезло. Дыхание Природы коснулось моего лица. Будто и не было между нею и мной Версаля. Я ощутил божественную силу сознания. Я остановился, я не мог читать дальше — я слышал, как кровь бурно приливает к сердцу, будто река струилась во мне. Я поднялся, плача и смеясь. Я кричал, я задыхался, я обнимал своих славных лошадок, я готов был заключить в объятья весь мир. Когда я думаю, Гюлен, что человек, даровавший нам такой неиссякаемый источник счастья, сам был глубоко несчастен, когда я думаю, что он, преданный друзьями, преследуемый глупыми насмешками, ожесточенный невзгодами, жил в убеждении, что все люди ненавидят и презирают его, — мне становится так стыдно, точно я сам повинен в этом позоре... Ах, зачем меня не было подле него, я бы защитил его. Теперь ты поймешь, почему я так сочувствую бедняге Марату, невзирая на все его заблуждения. Марат тоже страдает, как страдал Руссо, как страдают все, кто любит неблагодарный род человеческий. Я и сам часто только кажусь спокойным. Вот уж пять лет я под ярмом, которое на меня подлым обманом надели вербовщики королевской армии, но я не падаю духом: всюду можно трудиться на благо другим и прославиться. Конечно, не с легким сердцем я подчинился отвратительному произволу и позору этой жизни... Э! Насмотревшись и натерпевшись вдоволь, становишься неуязвимым. Вот и теперь я всего несколько дней как вышел из карцера, куда меня посадили по доносу клеветника. Три месяца меня гноили там, я терпел лишения, задыхался среди нечистот. Я бы умер, если бы мог умереть: ведь предусмотрительная природа дала мне такое тело, которое не дрогнет под любым обстрелом судьбы. Пять лет я надрываюсь и — все еще только капрал; никакой надежды выбраться из этой ямы, ибо нам запрещено все — даже мечты о повышении. Вот она, моя звезда, Гюлен! Жизнь жестока ко мне, и так будет всегда, я это чувствую. Я не из тех, кому везет от рождения. Что ж! Я не возлагаю никаких надежд на звезды. Единственное мое прибежище — во мне самом. И мне этого достаточно. Зло может неистовствовать сегодня; торжество несправедливости, все преступления деспотов и богачей, все безумие предрассудков, оглуляющих человека, не сломят моего духа, потому что свет во мне (*показывает на свою грудь*) и в сердцах моих братьев, таких же обездоленных, как и я. Ничто не способно погасить свет истины, она победит во всем мире! Но она не торопится — у нее в запасе вечность. Я тоже терпелив. Победа придет... Ты боишься грозы? Но ведь только во время бури вспыхивает небесный огонь. Так греми же, гром! Истина, испепели мрак!

Гюлен . Я не боюсь грозы. Все, о чем я говорил тебе, не пугает меня. Я не боюсь за

свою шкуру. Но куда идти? Если у тебя глаза зорче моих — укажи дорогу. Всюду, где потребуются крепкие кулаки, смело рассчитывай на меня, я не промахнусь. Руководи мной. Что нужно делать?

Гош . Не надо составлять планы заранее. Наблюдай за ходом событий и в подходящий момент не упускай случая, хватай его за гриву и держись крепко в седле. А пока займемся нашими обычными делами... Будем торговать жилетами...

Толпа вновь вторгается на сцену, давая знать о своем приближении громкими криками и хохотом. Верзила-носильщик несет на плечах мальчугана лет семи. Их сопровождают смеющиеся Конта, Демулен и другие.

Ребенок (*пронзительно кричит*) . Долой аристократов, аристокрашек, аристокривляк, аристокровописьц!

Гюлен . Во что это они играют? Ага! Суд над аристократами. Сейчас это их излюбленное развлечение...

Носильщик . Внимайте голосу народа! К чему мы присудим... Эй, Леонид, ты что, уснул? К чему мы присудим д'Артуа?

Ребенок (*писклявым голосом*) . К железному ошейнику!

Носильщик . А Полиньячиху?

Ребенок . К порке!

Носильщик . А Кондэ?

Ребенок . К виселице!

Носильщик . А королеву?

Ребенок . К шляхам ее!

Толпа дико хохочет; крики одобрения; ребенок, вне себя от собственного успеха, пытается перекричать всех. Носильщик уходит, унося его на плече.

Конта . Ах, милашка! Он так хорош, что прямо съесть его хочется!

Демулен . Ну что ж, проглотим мальчишку! Bravo, гроза аристократов! Господа! Юный Леонид забыл еще одного нашего друга, господина де Вентимиля, маркиза де Кастельно.

Гюлен (*Гошу*) . Слушай! Это он о моем хозяине.

Демулен . Господину де Вентимилю мы и впрямь кой-чем обязаны. Маршал призвал его охранять Бастилию совместно с господином де Лонеем, и он поклялся, что через два дня мы все, босиком и с веревками на шее, будем молить его о пощаде. Я предлагаю кому-нибудь из присутствующих пожертвовать веревку этому другу народа.

Толпа . Спалить его!.. Он живет неподалеку!.. Подожем его дом — пусть сгорит все его добро вместе с женой и детьми...

Вентимиль (*холодный и насмешливый, внезапно появляется в толпе*) . Господа...

Конта . Что это? Боже мой!

Гюлен . Гош! (*Хватает Гоша за руку.*)

Гош . Что с тобой?

Гюлен . Это он.

Гош . Кто?

Гюлен . Вентимиль.

Вентимиль . Господа! Ваш покорный слуга — торговец мебелью. Я поставщик господина де Вентимиля, и я прошу слова.

Толпа . Пусть говорит мебельщик!

Вентимиль . Господа! Без сомнения вы правы, намереваясь подпалить этого злобного аристократишку. Он ведь насмехается над вами, презирает вас и не устает повторять, что, когда собака показывает зубы, ее полезно отхлестать. Подождите его, господа! Жгите, будьте беспощадны! Но остерегайтесь, как бы правый гнев, который вы обрушите на него, не

обратился против вас самих; как бы вместе с его добром не погибло и ваше. Прежде всего, господа, справедливо ли разорять вместе с господином Вентимилем и тех, кто его разоряет? Я говорю о его кредиторах! Разрешите мне просить вас не трогать хотя бы мебель, которую я поставил ему и за которую этот выжига не заплатил мне ни гроша!

Толпа . Это справедливо! Забирай свою мебель!

Вентимиль . Успех моей просьбы придает мне храбрости, и я хочу указать вам, господа, еще одного кредитора — архитектора. Так же как и мне, ему не посчастливилось даже прикоснуться к деньгам господина де Вентимиля; будь он тут, он бы просил вас взвесить, какой огромный ущерб вы ему причините, сжигая недвижимость, которая является единственным залогом расплаты с ним.

Толпа . Не трогать дом!

Вентимиль . Что же касается его жены, господа, зачем жечь то, что принадлежит вам самим? Его жена — публичная девка. При дворе, да и в городе, и среди духовенства, и среди разночинцев — все имели возможность неоднократно оценить ее отменные качества. Она чужда социальных предрассудков, — все три сословия равны перед ней. Она как бы объединяет нацию. Отдадим должное столь редкой добродетели, господа! Пошадим супругу и мать!

Демулен . Пошадим эту парижскую богоматерь!

Толпа (*смеясь*) . Да, да, пошадим женщину!

Вентимиль . Наконец... Но, может быть, господа, я злоупотребил...

Толпа . Да нет же! Нет!

Вентимиль . Наконец, господа, намереваясь спалить детей господина де Вентимиля, не уподобитесь ли вы нашим вульгарным трагикам и не станете ли вы, так сказать, детоубийцами поневоле?

Толпа (*надрываясь от хохота*) . Ха! ха! ха! Да здравствуют ублюдки!

Вентимиль (*меняя тон к концу речи*) . Что же касается его самого, господа, повесьте его, зарежьте, сожгите! Больше того, если вы его не сожжете, то уж он-то сожжет вас наверняка. (*Спрыгивает со стула и смешивается с толпой, которая одобрительно шумит и смеется.*) .

Конта (*подбегая к Вентимиллю*) . Скорее уходите! Они могут узнать вас!

Вентимиль . Вот так встреча! Конта! Вы были тут? Что вы делаете среди этого сброда?

Конта . Незачем дразнить собак, пока еще не выбрался из деревни!

Вентимиль . Не все собаки, которые лают, кусаются... Идемте.

Конта . Не сейчас. Позднее.

Вентимиль . Назначаю вам свидание. В Бастилии.

Конта . В Бастилии — согласна!

Вентимиль уходит.

Гош . Мерзавец! Каково бесстыдство!

Гюлен . Бесстыдство, не лишенное, впрочем, смелости!

Гош . Не такое уж редкое сочетание у тех, кто стоит над нами!

Гюлен . Этот субъект начал свою карьеру, женившись на одной из любовниц бывшего короля. Подумать только, что такой человек мог совершать чудеса при Крефельде и Росбахе!

Старуха-торговка . Дети мои! Что это вы все толкуете о том, чтобы жечь, вешать да грабить? К чему это приведет? Я отлично понимаю, что ничего такого вы не сделаете. Тогда зачем же зря трепать языком? Ну, сварите вы в вашей похлебке несколько аристократов, но станет ли она вкуснее? Аристократы удерут и золото свое с собой захватят, а мы останемся и будем еще несчастнее, чем до сих пор. Я так думаю, что надо принимать все как оно есть и не верить лжецам, которые говорят, что они все могут исправить своими криками. Послушайте меня! Мы здесь зря время теряем. Ничего не произойдет. Ничего и не может произойти. Вам угрожают голодом, войной, светопреставлением. Все это выдумки газет,

которым не о чем писать, да всяких агентов. С королем мы не поладили, это верно, но все устроится, если каждый из нас спокойно вернется к своему делу. Король у нас хороший — он нам обещал сохранить нашего доброго господина Неккера, а Неккер даст нам хорошую конституцию. Тут и сомневаться нечего — во всяком случае, людям здравомыслящим. А почему не может так получиться, как думают здравомыслящие? Я, например, верю, что получится. Я тоже тут ротозейничала, вроде вас, и потеряла добрых четыре часа! Пойду торговать — меня моя репа ждет!

Толпа (*одобрительно*) . А ведь она права!

— Ты права, мамаша!

— Расходись, ребята, по домам!

Гюлен . Ну, что ты скажешь?

Гош (*улыбаясь*) . Она мне напомнила мою старую тетку — та всегда говорила о терпении, когда собиралась меня колотить.

Гюлен . А по-моему, она правильно рассуждает.

Гош . Я бы очень хотел обладать ее верой. Преклонение перед здравым смыслом так естественно! Я сам, если б думал, что противник способен стать на защиту разума, доверил бы ему это. Но увы, мой жизненный опыт не оставляет места самообольщению. Вот и сейчас я не могу не видеть, что Гоншон и его приспешники торопятся закрыть свои лавки. А они ничего зря делать не станут. Опасаюсь, что это внезапное спокойствие лишь затишье перед бурей. В глубине души никто сейчас не верит в успокоение. Ты заметил: никто не двинулся с места, даже сама старуха? Они пытаются обмануть сами себя, но это им не удастся. Вот они и мечутся, как в лихорадке. Вслушайся в гул толпы. Теперь она уже не вопит, а чуть шепчет... Словно листья, что шелестят под ветром, который предвещает бурю... (*Хватает Гюлена за руку.*) Пстой!.. Прислушайся! Гюлен!.. Вот! Вот!

Гул, сначала смутный, потом все более явственный. Все встают и смотрят в ту сторону.

Человек (*запыхавшись, с непокрытой головой, одежда в беспорядке, выбегает на сцену и кричит в ужасе*) . Неккера изгнали!

Толпа (*потрясенная, устремляется к нему*) . Что? Что такое? Неккер!.. Нет! Не может быть!..

Человек (*кричит*) . Неккера сослали! Он уже изгнан из Парижа!

Толпа (*ревет*) . Смерть агенту!

— Это агент из Версаля! Смерть ему!

Человек (*в страхе отбивается*) . Что вы делаете? Вы меня не поняли! Я вам говорю, что Неккер...

Толпа . В бассейн его! Топите сыщика!

Человек (*задыхаясь*) . На помощь!

Гош . Спасем его, Гюлен!

Гюлен . Чтобы спасти его одного, пришлось бы укокошить не меньше двадцати человек.

Они тщетно пытаются пробиться сквозь толпу, которая увлакивает несчастного. Робеспьер, внезапно появляясь, вскакивает на стол и делает знак, что хочет говорить.

Гош . Кто этот тщедушный человек?

Демулен . Это Робеспьер, депутат от Арраса.

Гош . Гаркни, Гюлен! Заставь их замолчать!

Гюлен . Слушайте! Слушайте гражданина Робеспьера!

Робеспьер вначале так волнуется, что за ревом толпы его слов совсем не

слышно, раздаются возгласы: «Громче!»

Демулен . Говори, Робеспьер!

Гюлен . Не бойтесь!

Робеспьер смотрит на него застенчиво и вместе с тем презрительно.

Демулен . Он еще не привык выступать перед народом.

Гош . Да помолчите же, друзья!

Робеспьер (*подавляя волнение*) . Граждане. Я — депутат от третьего сословия. Я только что из Версаля. Этот человек сказал правду: Неккера прогнали. Власть перешла к врагам народа: де Брольи, Фулону, Бретеюлю. Резня, Грабеж, Голод — вот наши теперешние министры. Это — война. Я пришел сюда к вам, чтобы разделить с вами вашу участь.

Народ (*в ужасе*) . Мы погибли!

Демулен . Что же нам делать?

Робеспьер . Достоинно умереть.

Гош (*пожимая плечами*) . Адвокатишка!

Гюлен . Поговорите с народом, господин депутат!

Робеспьер . К чему слова? Пусть каждый прислушается к голосу своей совести!

Гош . Они совсем обезумели. Если сейчас же не заставить их действовать, они в самом деле погубят себя.

Робеспьер достает из кармана листки рукописи и типографские гранки.

Гюлен . Что он там? Читать собрался? Оставьте в покое ваши бумаги. Одно мужественное слово стоит в тысячу раз больше, чем вся ваша писанина!

Робеспьер (*развертывает рукопись и читает бесстрастным, слабым, но резким голосом*) . «Декларация прав...»

Гош . Слушайте!

Робеспьер . «Декларация прав, предложенная на заседании Национального собрания вчера, одиннадцатого июля: «Национальное собрание провозглашает перед лицом Вселенной и всевидящего ока Верховного Существа нижеследующие права человека и гражданина: Природа создала людей свободными и равными...»

Гром аплодисментов заглушает конец фразы.

«Все люди рождаются с неотъемлемыми и нерушимыми правами: свободно мыслить, заботиться о своей чести и жизни, распоряжаться по собственному усмотрению своей личностью, стремиться к счастью и противиться гнету».

Аплодисменты, возгласы одобрения со всех сторон.

Гош (*выхватывая саблю*) . Противиться гнету!

Мгновенно толпа оцетинивается пиками.

Робеспьер . «Все общество испытывает гнет, если угнетен хотя бы один из его членов. Если отдельный член общества подвергается угнетению, угнетено все общество».

Гоншон . Долго они тут будут канителиться? Надо удалить отсюда всех. Пусть подставляют свои головы под пули в другом месте — ведь войска могут с минуты на минуту войти в Париж. (*Что-то шепчет своим людям.*)

Робеспьер . «Верховная власть принадлежит Нации...»

Доносится чей-то крик. Толпа содрогается и слушает Робеспьера уже рассеянно.

Гош . Пришло время братья за руль, Гюлен! Буря разразилась.

Чей-то голос (*кричит в ужасе*) . Они идут! Идут! Кавалерия!

Один из приспешников Гоншона (*пронзительно*) . Спасайся кто может!

Давка, вопли.

Гюлен (*кидаясь на кричащего человека и отпуская ему такую здоровенную оплеуху, что у того захватило дух.*) Тысяча чертей! (*Робеспьеру.*) Продолжайте!

Робеспьер пытается продолжать, но его голос гложет и теряется в шуме толпы. Гош вскакивает на стол и становится рядом с Робеспьером — он выше его на две головы; вырывает у него рукопись и читает проникновенным голосом; его пыл передается толпе.

Гош . «Верховная власть принадлежит Нации, она создает правительство.

Когда правительство нарушает права Нации, восстание против него — ее священный долг...

Тех, кто вступает в борьбу с народом, чтобы воспрепятствовать торжеству Свободы, должно преследовать не как обыкновенных врагов, но как рабов, посягнувших на Владыку земли, на Человечество».

Крики одобрения. Демулен, с развевающимися волосами и сверкающими глазами, вскакивает на стол, с которого сошел Гош.

Демулен . Свобода! Свобода!.. Она парит над нашими головами. Она вовлекает меня в свой священный полет. Пусть она осенит нас своими крылами! Вперед к победе! Рабству приходит конец... Да, оно позади! Восстаньте! Обратим молнию против злодеев, которые вызвали ее! Во дворец! К королю!

Толпа повторяет: «Во дворец!»

Смотрите на меня, притаившиеся шпионы! Это я, Камилл Демулен, призываю Париж к восстанию! Я не боюсь ничего! Что бы ни случилось — живым я не дамся! (*Вынимает из-за пазухи пистолет.*) Я боюсь только одного — вновь увидеть Францию поработенной. Но мы этого не допустим. Она будет свободной, как и мы, или умрет вместе с нами. Да, подобно Виргинию, мы скорее убьем ее своими руками, чем позволим тиранам надругаться над ней... Братья! Мы будем свободны! Мы уже свободны! Каменным бастилиям противопоставим твердыню наших сердец, несокрушимую крепость Свободы! Смотрите! Небеса разверзлись, боги за нас. Солнце прорвало облака. Листва каштанов радостно трепещет. О листья, весело шумящие в едином порыве с народом, который пробуждается к новой жизни! Будьте нашей эмблемой, знаком нашего единения, залогом нашей победы! Листья цвета надежды, цвета моря, цвета природы — вечно юной и свободной! (*Срывает веточку.*) *In hoc signo vinces!*³ Свобода! Свобода!

Народ . Свобода!

Все проталкиваются к Демулену, обнимают, целуют его.

³ Сим победиши! (*лат.*)

Конта (*украшая волосы листьями*) . О юная Свобода! Зеленой в моих волосах и цветы в моем сердце! (*Пригоршнями разбрасывает листья вокруг себя.*) Друзья, украсьте себя эмблемой лета!

Народ срывает листья, оголяя деревья.

Старуха-торговка . К королю! Это он хорошо сказал! Надо идти к королю! В Версаль, ребята!

Гюлен (*показывая на старуху и на Конта*) . Вот они и зажглись раньше всех!

Гош . Теперь уж их нипочем не остановишь!

Народ . Все — на Марсово поле!

— Навстречу версальцам! Мы им покажем! Дадим жару!

— Негодяи! Думали тишком задушить народ Парижа!

Старуха . Я с них шкуру спущу! Повыдеру все волосенки этим разбойникам-немцам!

Демулен . Они прогнали нашего Неккера. А мы выгоним их самих! Мы хотим, чтобы Неккер остался. Пусть мир узнает нашу волю.

Народ . Устроим шествие в честь Неккера!

— Его портрет есть у Курциуса в кабинете восковых фигур.

— Пронесем его с почестями по городу!

— Курциус закрыл свою лавочку!

— А мы вышибем двери!

Гоншон (*своим людям*) . Внимание! Не зевать!

Один из людей Гоншона . Господин Гоншон! Они все растащат!

Гоншон . Оставь их в покое — поступай, как они!

Торговец . Эдак они и к нам заберутся!

Гоншон . Против рожна не попрешь!

Входит в лавку следом за народом и горланит вместе с другими. Сбегаются новые люди; через несколько минут у всех оказываются в руках палки, шпаги, пистолеты, топоры.

Народ . К порядку, товарищи!

— Не допустим самоуправства!

— Эй, карапуз, иди-ка в школу! Нам тут некогда с тобой шутить!

— Нужно, чтобы наше шествие было торжественным и грозным! Пусть тираны поймут, как страшен священный гнев народа!

Атлетического сложения носильщик торжественно выносит из паноптикума бюст Неккера, прижимая его к груди. Все теснятся вокруг него.

— Шапки долой! Вот он, наш защитник, наш отец!

— Накиньте на него креп! Родина в трауре!

Гоншон и его люди тоже выходят из лавки, неся бюст герцога Орлеанского. Держась позади всех, они в подражание остальным принимают возбужденно-сосредоточенный вид. Народ не обращает на них внимания.

Гюлен . Это еще что такое?

Гош . Это покровитель нашего друга Гоншона — гражданин д'Орлеан.

Гюлен . Пойду-ка проломлю ему башку, а заодно и тем, кто его тащит.

Гош (*улыбаясь*) . Нет, нет, оставь. Пусть покажут себя во всей красе, это не вредно.

Гюлен . А ты его знаешь?

Гош . Орлеанского? Кто знает одного из шайки — знает всех. Порочный мальчишка!

Пугается под ногами у Свободы в надежде залезть ей под юбку. Ему, видно, хочется, чтобы его смазали по роже. Ну что ж, этого он добьется и без твоей помощи.

Гюлен . А если он надругается над Свободой?

Гош . Этот недоносок? Пусть поостережется, а то как бы она не оттяпала ему башку.

Гоншон и его приспешники покрывают крепом бюст герцога Орлеанского, подражая тем, кто несет бюст Неккера. Торжественно выстраивается причудливая процессия. Полное молчание. Внезапно появившаяся откуда-то старуха-торговка бьет в барабан. Поднимается невообразимый шум.

Народ . Вперед!

Процессия трогается с места. Впереди всех старуха с барабаном. За ней носильщик с бюстом Неккера на голове. Вокруг народ, вооруженный палками и топорами; молодые люди, разряженные в цветные шелка, щеголяют дорогими часами и перстнями — в руках у них шпаги и дубинки; гвардейцы с саблями наголо; женщины, среди которых, в первом ряду, Конта под руку с Демуленом. Сзади всех Гоншон, окруженный торговцами из Пале-Рояля; он несет бюст герцога Орлеанского. За ним толпа. Торжественная пауза, наполненная гудением, сквозь которое вдруг прорываются приветственные крики, пробегающие, словно дрожь, по толпе и внезапно умолкающие.

Гош (*показывая Гюлену на народ*) . Ну как, Гюлен! Сдаешься, малонер?

Гюлен . Так ведь это же нелепость! Беспорядочная толпа воображает, что она в состоянии атаковать армию... Они все погибнут. Бессмысленно погибнут! (*Присоединяется к толпе.*)

Гош . Куда же ты?

Гюлен . С ними, конечно.

Гош . Дружище! Сердце у тебя мудрее, чем голова.

Гюлен . А сам-то ты разбираешься во всем этом? Знаешь, куда устремился этот слепец — народ?

Гош . Не старайся понять. Он знает и видит и за себя и за тебя.

Гюлен . Кто?

Гош . Слепец.

Зловеще бьет барабан и постепенно затихает вдали. Народ медленно проходит. Тишина.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Ночь с понедельника 13-го на вторник 14 июля. Между двумя и тремя часами ночи.

Улица в Сент-Антуанском предместье. В глубине, над домами, возвышается темный громадный массив — это Бастилия, башни которой, окутанные мраком, вырисовываются по мере того, как приближается рассвет. На углу справа дом Люсили. По перилам балкона ползет вьюнок, закрывая и часть стены. Ни одного фонаря. Улица освещена свечами, поставленными на подоконники. Из далеких кузниц доносятся удары молотов, бьющих по наковальням; временами набат и отдаленная ружейная стрельба. На углу, около дома Люсили, люди из народа вместе с несколькими буржуа сооружают баррикаду из бочек, всякого домашнего скарба и булыжников.

Каменщик . Не мешало бы еще булыжника подбросить.

Рабочий (*тащит свою кровать*) . А моя кровать не сгодится?

Каменщик . Ты хочешь здесь лечь?

Рабочий . Вскорости улягусь с пулей, которая меня настигнет.

Каменщик . Да ты весельчак!

Рабочий . Если эти разбойники придут сюда, нам уже ничего не понадобится. Постели будут постланы в другом месте.

Столяр . Помоги мне протянуть веревку.

Подмастерье . Зачем это?

Столяр . Чтобы лошади споткнулись.

Рабочий из типографии . Эй, Камюзе!

Другой . Чего тебе?

Рабочий из типографии . Слушай.

Другой . Ну?

Рабочий из типографии . Ты ничего не слышишь?

Другой . Я слышу, как звенят наковальни; во всех кузницах куют пики.

Рабочий из типографии . Нет, я не об этом. Вон оттуда... (*Показывает на землю.*)

Другой . Оттуда?

Рабочий из типографии . Да. Из-под земли. (*Ложится и приныкает ухом к земле.*)

Другой . Ты бредишь.

Рабочий (*лежа на земле*) . Похоже на то, что там закладывают мину.

Другой . Проклятые! Они хотят, чтобы мы взлетели на воздух!

Столяр (*недоверчиво*) . Да будет тебе!

Рабочий (*лежа*) . У них там под землей тысячи бочек с порохом.

Другой рабочий . Вот поэтому-то его нигде и не сыщешь.

Столяр . Что ж, по-твоему, армии так же просто пробраться под землей, как крысам?

Рабочий (*лежа*) . Ты что же, не знаешь, что у них есть подземные ходы от Бастилии до самого Венсена?

Столяр . Ну, это уж бабьи бредни.

Другой рабочий (*тоже припадает к земле и прислушивается*) . Потиху стало.

Первый рабочий (*вставая*) . Загляну-ка я в погреб — послушаю там. Пойдем, Камюзе!

Оба уходят в один из домов.

Столяр (*смеясь*) . В погреб! Вот это ловко! Должно быть, просто глотку промочить захотелось. Однако пора кончать работу.

Каменщик (*не прекращая работы, оглядывается назад*) . А, черт!

Столяр . Что такое?

Каменщик (*показывая на Бастилию*) . Вот смотришь на нее и чувствуешь, как она на тебя давит, — стоит обернуться, и она тут как тут, даже дыхание перехватывает.

Столяр . Отлично! Нечего сказать. Один смотрит под землю, другой зевает по сторонам. Не оглядывайся! Работай!

Каменщик . Я и так стараюсь! Да только и ее все равно чувствую. Словно кто-то подкрался сзади и занес кулак у меня над головой. Провались она в тартарары!

Старый буржуа . Он прав. Ее пушки подстерегают нас. К чему мы все это сооружаем? Одно мановение руки — и она разнесет наши баррикады, как карточные домики.

Столяр . Да нет же, нет!

Каменщик (*грозя кулаком Бастилии*) . Мерзавка! Ах, когда только мы от тебя избавимся!

Столяр . Скоро.

Многие . Ты как думаешь? Каким же образом?

Столяр . Ну, этого я не знаю. Только знаю, что непременно так будет. Не робей, знай работай! Как ни темна ночь, а рассвет придет.

Все работают.

Подмастерье . А пока что ни черта не видно.

Столяр (*кричит, обращаясь к окнам*) . Эй, вы там! Бабы! Смотрите, чтобы свечи не потухли! Нам нужно получше видеть этой ночью.

Женщина (*у одного из окон, оправляя свечи*) . Ну, как там у вас, подвигается?

Столяр . Да уж будь покойна, пусть кто-нибудь попробует сунуться, разом свернет себе шею.

Женщина . А они скоро придут?

Столяр . Говорят, что в Гренели уже льется кровь. Со стороны Вожирара тоже слышны выстрелы.

Старый буржуа . Они ждут только восхода солнца, чтобы выступить.

Каменщик . А который теперь час?

Женщина . Три часа. Слышишь? Петух поет.

Каменщик (*вытираясь рукавом*) . А ну, живей, живей! Черт подери! Какая, однако, жарница!

Столяр . Тем лучше. Пролитый пот зря не пропадает.

Старый буржуа . Я больше не могу.

Столяр . Отдохните немного, господин нотариус! Каждый может сделать только то, что в его силах.

Старый буржуа (*тащит булыжник*) . Я вот только еще этот положу.

Столяр . Не надрывайтесь. Кто не может скакать, пусть трусит рысцой.

Женщина . А ружья-то у вас есть?

Столяр . Держи карман шире! В Ратуше нас по-прежнему кормят завтраками. Там несколько сотен буржуа. И они все себе заграбастали.

Каменщик . Ну и черт с ними! У нас есть ножи, палки, камни. Чтобы бить, все сгодится.

Женщина . Я натаскала в комнату черепицы, разных черепков, битых бутылок; а посуду и мебель пододвинула к окну. Пусть только полезут — все полетит им в рожи.

Другая женщина (*в окне*) . А у меня котел стоит на огне и кипит ключом с самого обеда — булыжники для них варю. Пускай приходят — окачу их горячими камушками.

Оборванец (*с ружьем через плечо, обращаясь к буржуа*) . Дай мне денег.

Буржуа . Здесь не попрошайничают.

Оборванец . Я не прошу хлеба, хотя кишки у меня и подвело. Видишь, у меня ружье, а вот пороху купить не на что. Дай мне денег.

Другой оборванец (*навеселе*) . Денег? У меня их девать некуда. (*Вытаскивает пригоршню монет.*)

Первый оборванец . Откуда они у тебя?

Второй оборванец . А я позаимствовал у святых отцов, когда сегодня грабили монастырь.

Первый оборванец (*хватая его за горло*) . Ты что же, свинья? Народ позорить?

Второй оборванец (*пытаясь вырваться от него*) . С ума спятил?

Первый оборванец (*трясет его*) . Выворачивай карманы!

Второй оборванец . Но...

Первый оборванец (*выворачивая карманы второго*) . Выворачивай карманы, ворюга!..

Второй оборванец . Разве мы уж не имеем права и воровать у аристократов?

Толпа . Повесить его!

— Вздернуть его на крюк вместо вывески!

— Да нет, вздуть его — и все тут! Проси прощения у народа.

— Ладно! Теперь улепетьвай!

Оборванец убегает.

Первый оборванец (*принимаясь за работу*) . Лучше бы повесить его, чтобы другим повадно не было. А то и другие полезут. С такими ворюгами можно ведь и самому запачкаться. Это мне не по душе.

Камилл Демулен (*входит, как всегда, фланирующей походкой с рассеянным видом, а на самом деле не упуская ничего из происходящего*) . Почистить хорошенько щеткой — и дело в шляпе.

Все хохочут и снова принимаются за работу.

Народ . Подналяжем, надо кончать.

Демулен (*глядя на окна дома и на работающих*) . Тут где-то моя Люсиль. Я иду от них. У них дома — ни души. Мне сказали, что вся ее семья отправилась на обед к родственникам в Сент-Антуанское предместье. Они, конечно, не смогли вернуться домой. Они оказались отрезанными. Еще бы, такие укрепления! Эскарпы и контрэскарпы, люнеты — словом, все, как полагается! Осаждают дом по всем правилам... Только вот что, дети мои! Вы как-никак должны сокрушить Бастилию, а не возводить ее подобие. Не знаю, что скажут враги, но для ваших друзей здесь небезопасно. Вот я, например, едва не запутался в веревках, еще немного — и сломал бы себе шею. Эта бочка еле держится — надо подложить под нее булыжники.

Столяр . А работаешь ты так же ловко, как мелешь языком?

Демулен (*весело хватая кирку*) . Точно так же я и работаю. (*Поднявшись на верхушку баррикады, добирается до окон. В глубине дома — свет. Демулен осматривается.*) Она — там.

Старый буржуа . Судья Флессель — изменник. Он прикидывается, что заодно с нами, а сам переписывается с Версалем.

Каменщик . Это он придумал набрать милицию из буржуа, якобы для того, чтобы охранять нас. Но это только предлог. На самом деле они стараются связать нас по рукам и по ногам. Все они там иуды — сами продались и готовы продать нас.

Столяр . Ну что ж, друзья мои, значит, нам не на кого больше рассчитывать, кроме как на самих себя. Я-то уже давно это понял.

Камилл стучит легонько пальцем в окно и шепчет: «Люсиль!» Свет гаснет. Окно приоткрывается. Появляется хорошенькое личико Люсиль. Она улыбается, поблескивая зубками. Оба предостерегающе прикладывают палец к губам. Они разговаривают знаками, влюбленные и радостные. Всякий раз, как кто-нибудь из работающих на баррикаде поднимает голову и смотрит в их сторону, Люсиль быстро захлопывает полуоткрытое окно. Тем не менее двое рабочих замечают их.

Рабочий (*показывая на Демулена*) . Что он там делает?

Второй рабочий . Мальчишка влюблен! Ну что ж! Не будем ему мешать!

Первый рабочий . От этого он хуже драться не станет. Петух всегда защитит курочку. (*Продолжает работать и время от времени с любопытством, но добродушно, остерегаясь спугнуть влюбленную парочку, поглядывает в сторону Камилла и Люсиль.*)

Люсиль (*шепотом*) . Что вы тут строите?

Демулен . Укрепления, чтобы защищать вас.

Смотрят друг на друга смеющимися глазами.

Люсиль . Мне больше нельзя оставаться с вами. Родители услышат.

Демулен . Ну еще немножечко!

Люсиль . Позже. Когда все улягутся. *(Та же игра. Люсиль прислушивается к звукам внутри дома.)* Меня зовут. Ждите меня здесь. *(Посылает ему воздушный поцелуй и исчезает.)*

Каменщик *(осматривая баррикаду)* . Вот это да! Готова! И уж поверьте, сделана на совесть! Эх, букет бы сюда, чтобы украсить верхушку!

Столяр *(хлопая по плечу Демулена)* . Не надрывайся так, а то, чего доброго, чахотку схватишь!

Демулен . Каждому своя работа, товарищ! Быть может, эта баррикада воздвигнута именно силою моего голоса!

Каменщик . Что ты мелешь?

Столяр . Значит, ты работаешь глоткой?

Демулен . Разве никто из вас не был вчера в Пале-Рояле?

Толпа . В Пале-Рояле?

— Подожди-ка!

— Так это ты — тот парень, что призывал нас взяться за оружие? Это ты придумал для нас кокарду? Значит, ты и есть господин Демулен?

— Черт подери! Молодец! Здорово тогда говорил! Я ревел, как теленок!

— А ты и впрямь молодчага!

— Господин Демулен, господин Демулен, позвольте пожать вам руку! Да здравствует господин Демулен! Да здравствует наш малыш Камилл!

Гоншон *(уже капитан милиции буржуа, входит в сопровождении патруля, состоящего из его молодчиков)* . Чего вы тут наворотили? Из-за чего горланите? Вы нарушаете порядок, будите весь квартал. Проваливайте! По домам!

Народ . Опять эти проклятые буржуи-охранники! Плюем мы на ваш дозор! Начхать на таких сержантов!

— Нарушаем порядок! Ну не наглость ли?

— Мы защищаем Париж!

Гоншон . Это не ваша забота.

Народ *(поражен и возмущен)* . Не наша забота?!

Гоншон *(еще громче)* . Да, вас это не касается. Это наша обязанность. Постоянный комитет поручил нам защиту города. Прочь отсюда!

Демулен *(приближаясь, всматриваясь)* . Да ведь это Гоншон!

Гоншон *(натываясь на баррикаду)* . Проклятье! А, черти, мерзавцы, разрази вас гром! Лопни ваши глаза! Какие сукины дети осмелились нагромоздить эту рухлядь, разобрать мостовую, преградить уличное движение?.. Сейчас же расшвырять все это!

Народ *(вне себя)* . Разрушить нашу баррикаду! Пусть-ка сунутся!

Столяр . Послушай, капитан! Да слушай хорошенько и взвесь все, что я тебе скажу. Мы согласны разойтись и не оспаривать приказов комитета, хоть и писали их, видно, дураки безмозглые. Что ж, раз мы воюем, значит, нужна дисциплина. Поэтому мы подчиняемся. Но если только хоть пальцем тронут один кирпичик в наших сооружениях, мы свернем тебе шею, а заодно и твоим обезьянам.

Народ . Уничтожить нашу баррикаду!

Гоншон . Да никто и не думает разбирать вашу баррикаду. Вот еще! Разве мы каменщики? У нас и своих дел довольно. Разойдись!

Каменщик *(угрожающе)* . Мы уйдем, но, надеюсь, ты понял?

Гоншон *(с апломбом)* . Я сказал, что никто ее не тронет, — значит, не тронет. Довольно болтать!

Строители баррикады расходятся. Демулен задерживается.

А ты что, оглох, что ли?

Демулен . Разве для друзей нельзя сделать исключение, Гоншон?

Гоншон . Это ты, проклятый болтун? Арестуйте этого хулигана!

Робеспьер *(входя)* . Кошунство! Кто тут осмеливается поднять руку на одного из поборников Свободы?

Демулен . А, Робеспьер! Спасибо!

Гоншон *(выпуская Демулена; про себя)* . Депутат! Черт его дери! *(Громко.)* Я обязан охранять порядок. И буду поддерживать порядок, чего бы мне это ни стоило.

Робеспьер . Пойдем со мной, Камилл! Наши друзья собираются ночью вон в том доме. *(Показывает на дом, находящийся на первом плане слева.)*

Демулен *(про себя)* . Оттуда мне будет видно окно Люсили.

Они подходят к дому, у дверей которого в темной нише какой-то человек, в блузе, босой и с ружьем на плече, несет караул, покуривая трубочку.

Человек, стоящий на часах . Кто вы такие?

Робеспьер . Робеспьер.

Человек . Не знаю такого.

Робеспьер . Депутат от Арраса.

Человек . Покажите ваше удостоверение.

Демулен . Демулен.

Человек . А, так ты тот парень, который придумал кокарду? Проходи, товарищ!

Демулен *(показывая на Робеспьера)* . Он со мной.

Человек . Хорошо, хорошо, проходите, гражданин Робер-Пьер.

Демулен *(рисуюсь)* . Вы имеете случай, мой друг, оценить силу красноречия.

Робеспьер, горько улыбаясь, смотрит на Демулена, вздыхает и молча следует за ним.

Гоншон *(подходя к человеку, несущему караул)* . Этот еще откуда взялся?

Человек . Проваливай!

Гоншон . Что, что ты сказал, мошенник? Ты чем тут занимаешься?

Человек *(напыщенно)* . Стою на страже Нации; охраняю мозг народа!

Гоншон . Это что еще за выдумки! У тебя есть удостоверение? Кто приказал тебе стоять здесь?

Человек . Я сам.

Гоншон . Ну так марш домой!

Человек . А я и так у себя дома. Мой дом — улица. Другого дома у меня нет. Убирайся ты сам домой, буржуй! Проваливай с моей мостовой! *(С угрожающим видом наступает на него.)*

Гоншон . Ладно уж! Не будем ссориться... Стану я драться с пьянчугой! Проспись лучше! А мы продолжим наш обход... Ах, мерзавцы! Когда только мы разделаемся с ними! Хоть разорвись — баррикады так и лезут из-под земли, как грибы. И все улицы полны сбродом, которому только бы сцепиться с нами! Дай им волю, — они завтра же скинут короля. *(Уходит со своими людьми.)*

Человек, стоящий на часах . Разъелись, черти, синегривые гады, им не ружье носить, бездельникам, а кур щупать по курятникам! Ты думаешь, назвал себя командиром, так и можешь распоряжаться свободным человеком!.. Буржуи! Соберется их четверо или пятеро — и сразу пошли комитеты всякие, бумаги изводят груды, а главное, стараются установить свои порядки. «Покажи, говорит, удостоверение!» Как будто кто-то еще нуждается в их разрешениях, подписях и во всем прочем их кривлянье. Не беспокойтесь, без вас себя отстоим, раз уж на нас напали! Пусть каждый за собой смотрит! Хорош мужчина, который ждет, чтобы его защитили другие! Будто мы не понимаем! Они, конечно, рады бы отнять у нас ружья и снова узду на нас надеть по старинке. Да только руки короткие — кончилось их времечко. А эти-то чудачки: орут, что их предали, а сами же при первом окрике бросают на

произвол судьбы свою баррикаду из страха перед властями и богатеями с туго набитой мошной! Привыкли, чтобы их водили на поводу, — в один день от этого не отучишься! Счастье еще, что существуют на свете бродячие псы вроде меня, у которых угла своего нет и почтения ни к чему нет. Вот и стой здесь на посту вместо них и смотри в оба. Нет уж! Мы не отдадим нашего Парижа! Париж все-таки, хоть у нас и нет ничего, принадлежит нам, а не только аристократам, теперь он нам особенно полюбился, Париж-то. Еще вчера я ни о чем не заботился. Что мне было до этого города, где у меня даже конуры нет, чтоб укрыться от дождя и где не сыщешь корки хлеба, когда одолевает голод? Какое мне было дело до того, счастливы или несчастливы все прочие? Теперь все переменялось. Все, что происходит здесь, касается и меня; все стало вроде как и моим — их дома, их деньги и их глупые башки. Я обязан за всем этим приглядеть — ведь они работают и на меня. Все равны, как они говорят, равны и свободны... Боже мой... да я же всегда это чувствовал, только выразить не мог... Свободны! Пусть мы голь, пусть жрать нам нечего, пусть кишки у нас подводит — наплевать!.. Свободны! Мы теперь свободны!.. Можем расправить грудь!.. Дышать! Мы короли! Мы завоюем весь мир! (*Увлекаясь все больше и больше, расхаживает большими шагами.*) Что это со мной? Я — как пьяный, голова кружится, а я ведь ничего не пил. Что же это? Это — свобода!

Гюлен (*выходя из дома*) . Уф! Чуть не задохнулся, надо проветриться.

Человек, стоящий на часах . Это ты, Гюлен? Что они там делают?

Гюлен . Что делают? Говорят, говорят. А! Проклятые болтуны! Как примутся нанизывать фразу на фразу — ничем их не остановишь... Демулен несет невероятную чепуху, пересыпая ее латынью. Робеспьер мрачен и призывает всех к самопожертвованию. Они все ставят под вопрос: законы, общественный договор, разум, происхождение мира. Один объявляет войну Богу, другой — Природе. А когда надо подумать о том, что идет настоящая война, как отворотить опасность, все молчат! Решать? Пусть, мол, все решится само собой: никто ведь не беспокоится, когда идет дождь в Париже. Пойдет, да и перестанет. Так вот и они рассуждают, фразеры проклятые!

Человек . Не нужно ругать их! Уметь красиво говорить — это ведь тоже хорошо! Иной раз скажут словечко, так насквозь тебя и проймет. Даже дрожь по телу проходит. Тут можно и разрыдаться и на родного отца руку поднять! Кажется, ты всех сильнее в мире, вроде господ бога! Что поделаешь — каждому свое! Они думают за нас. Наша обязанность — действовать за них!

Гюлен . Попробуй тут действовать!.. Видишь? (*Показывает на Бастилию.*)

Человек . Огоньки перебегают по левой башне. И там наверху не спят вроде нас. Наводят красоту на свои пушки.

Гюлен . А наши пушки где? Нет, мы не сможем сопротивляться.

Человек . Посмотрим.

Гюлен . Что ты сказал?

Человек . Я говорю: посмотрим. Стая скворцов забьет и коршуна.

Гюлен . Ты оптимист.

Человек . Такова уж моя натура.

Гюлен . А ты, видать, недалеко ушел с твоим оптимизмом.

Человек (*добродушно*) . Вот тут ты прав! Удача мне несродни. С тех пор как я себя знаю, не могу припомнить, чтобы хоть раз удалось то, что я задумал. (*Смеется.*) А, пропади все пропадом! Я всего натерпелся на своем веку! Что поделаешь, не для одних радостей мы на свет родились. В жизни все перемешано — бывают и хорошие и плохие дни. Только я не теряю надежды. Конечно, иногда можно и просчитаться. Но сейчас, Гюлен, я чувствую, что дело к хорошему клонится. Ветер переменялся. Фортуна повернулась к нам лицом.

Гюлен (*насмешливо*) . Фортуна, говоришь? Ты бы попросил у нее обувку-то попримичнее.

Человек (*рассматривая свои босые ноги*) . Я предпочитаю свою обувку башмакам Капета. Я и босиком дойду, если понадобится, до Вены, а то и до Берлина. Ох, и солоно

тогда придется королям!

Гюлен . Что, тебе дома дела мало?

Человек . Пока дела хватит. А вот когда мы покончим у себя, наведем порядок в Париже и по всей Франции, почему бы нам не прогуляться всем вместе? А, Гюлен? Взавшись за руки? Солдатам, буржуа и беднякам, и не почистить Европу? Мы же не эгоисты, верно? Какая радость — радоваться только за себя? Когда я узнаю какую-нибудь новость, мне не терпится поделиться со всеми. С тех пор как началось все это, у меня в голове точно гул стоит от слова «свобода» и от всех наших речей — так и хочется без конца повторять их всем и каждому, орать на весь мир. Будь я неладен, если вру! Если бы все были на меня похожи, вот бы было шуму! Я уже слышу, как дрожит земля от наших шагов и вся Европа бурлит, будто вино в чане. Народы бросаются нам на грудь. Знаешь? Как ручьи, которые сливаются в реку. И мы — река, смывающая все на своем пути.

Гюлен . Ты, случайно, не болен?

Человек . Я? Я крепок, как кочерыжка.

Гюлен . И часто тебе снятся сны вот так, наяву?

Человек . Всегда. Так легче жить. Что-нибудь да сбудется в конце концов из моих снов. А ты, Гюлен, разве не согласен, что это была бы недурная прогулка? И разве тебе не хочется принять в ней участие?

Гюлен . Ну ладно! Когда ты возьмешь Вену и Берлин, я постараюсь удержать их.

Человек . Не смейся. Кто знает, что может случиться!

Гюлен . Правда, случается всякое.

Человек . Все сбывается, надо только захотеть, конечно.

Гюлен . Пока что я бы очень хотел знать, что произойдет в ближайший час.

Человек . Это-то как раз всего труднее угадать. Что мы будем делать? Ну, там видно будет. Всему свое время.

Гюлен . Ох уж эти мне французы! Все на один лад; любят думать о том, что произойдет через сто лет, и совсем не заботятся о завтрашнем дне.

Человек . Возможно и так. Зато и о нас будут помнить столетия.

Гюлен . А тебе от этого легче?

Человек . Мои кости заранее ликуют. Одно только досадно — мое имя не останется в истории.

Гюлен . Честолюбец!

Человек . Ничего не поделаешь! Я неравнодушен к славе.

Гюлен . Прекрасная вещь — слава. Все несчастье в том, что она достается в большинстве случаев покойникам. Я предпочитаю хорошую трубку.

Справа появляется Вентимиль.

Вентимиль . Улицы пусты. Двое голодранцев разглагольствуют о славе — им бы блох ловить. Обломки мебели, разбитой бесноватыми парижанами. Вот оно — великое восстание! Достаточно было бы одного патруля, чтобы навести порядок в Париже. Чего они дожидаются там, в Версале?

Человек (*внезапно поднявшись, направляется к Вентимилью*) . Эй, ты! Чего тебе здесь надо?

Вентимиль (*насмешливо разглядывая его*) . Вот какова теперь форма господ стрелков ночного караула! Прочь с дороги, уважаемый!

Человек . Кто вы? Куда идете в такой поздний час?

Вентимиль (*протягивая ему бумагу*) . Читать умеешь?

Человек . Бумажонки? Конечно, умею. (*Гюлену.*) Читай. Что там написано?

Гюлен (*прочитав*) . Пропуск. Все по форме. Подписано Комитетом городской ратуши. Скреплено Гоншоном, капитаном милиции буржуа.

Человек . Так я им и поверил! Все это покупается за деньги. (*Ворча, пропускает*

Вентимиль.)

Вентимиль . Бесспорно, все можно купить за деньги. *(Проходя, брезгливо протягивает человеку деньги.)* До свиданья.

Человек *(подскакивая)* . Что? Это еще что такое?

Вентимиль *(не оглядываясь)* . Ты же отлично видишь. Бери и молчи.

Человек *(подбегает к Вентимилью и загоразживает ему дорогу)* . Так ты, значит, аристократ? Ты хочешь купить меня?

Гюлен *(вмешиваясь)* . Успокойся, товарищ, успокойся! Я его отлично знаю. *(Подходит к Вентимилью.)*

Вентимиль *(не смущаясь)* . В самом деле, это...

Гюлен . Это Гюлен.

Вентимиль . Ну да.

Короткая пауза. Оба смотрят друг на друга.

Гюлен *(человеку)* . Пропусти его.

Человек *(взбешенный, кричит)* . Он хотел купить меня! Купить мою совесть!

Вентимиль . Твою совесть? На что она мне? Нечего сказать, хорош товар! Я плачу тем, кто мне оказывает услуги. Ну, бери же!

Человек . Я не оказываю услуг. Я исполняю свой долг.

Вентимиль . Ну что ж, в таком случае получай за исполнение долга. Не все ли мне равно, за что платить?..

Человек . За исполнение долга не платят. Я — свободный человек!

Вентимиль . Ни твой долг, ни твоя свобода не прокормят тебя. Ненавижу фразеров. Поторапливайся. Деньги всегда стоит брать — за что бы ни платили. Не ломайся! Ведь самому не терпится взять. Я знаю, что ты не устоишь, дело только в цене. Может, мало тебе показалось? Сколько же ты хочешь, господин свободный человек?

Человек *(несколько раз порывавшийся взять деньги, кидается на Вентимилья. Гюлен его останавливает)* . Пусти меня, Гюлен, пусти меня!

Гюлен . Спокойно!

Человек . Нет! Я должен убить его!

Вентимиль . Что с ним?

Человек *(удерживаемый Гюленом, Вентимилью)* . Убирайтесь отсюда! Зачем вы явились! Я был счастлив, я забыл о своей нищете; я был свободен, я был властелином вселенной. А вы мне напоминаете, что я голоден, что я даже и себе-то не хозяин, что любой подлец, у которого есть пригоршня серебра, может стать моим господином и унижить мое человеческое достоинство, потому что без этих грязных денег не обойтись. Вы отравили мою радость. Убирайтесь!

Вентимиль . Вот уж действительно много шума из ничего! Кого ты думаешь поразить своей щепетильностью? Мне это совсем не нужно. Ну, довольно, бери!

Человек . Лучше подохнуть! Вот если ты, Гюлен мне дашь...

Вентимиль протягивает деньги Гюлену, тот отдергивает руку. Деньги падают. Человек поднимает их.

Гюлен . Куда ты?

Человек . Напиться, чтобы забыть.

Вентимиль . Что забыть?

Человек . Что я на самом деле не свободен. Негодяй! *(Уходит.)*

Вентимиль . Кривляка! Трудно придумать что-либо глупее оборванца, который изображает из себя гордеца, не имея для этого никаких оснований. До свиданья, уважаемый. Спасибо.

Гюлен . Оставьте при себе вашу благодарность. Я не хотел называть вас, иначе вы не

ушли бы отсюда живым. Это было бы предательством с моей стороны, а я человек честный. К тому же я не поклонник насилия и нисколько не верю в их революции. Но я не с вами, и уж ни в коем случае не допущу, чтобы вы причинили вред моим товарищам. Зачем вы сюда пожаловали?

Вентимиль . Я нахожу, что ты чересчур любопытен.

Гюлен . Прошу прощения. Но вы играете со смертью. Разве вам не известно, как вас ненавидят?

Вентимиль . Я возвращаюсь от любовницы. Не менять же мне свои привычки из-за двух-трех сумасшедших!

Гюлен . Вы даже не представляете себе, какое их множество!

Вентимиль . Вот и прекрасно. Чем они многочисленнее и наглее, тем лучше.

Гюлен . Для кого?

Вентимиль . Для нас. В наше время слишком много развелось чувствительных душонок. Оттого никто и не решается действовать. Из страха пролить несколько капель крови не смеют отдать приказ о пресечении гнусного своеволия черни. Слабость — причина беспорядков, разоряющих королевство. Мы не избавимся от зла, если не доведем его до предела. Хороший мятеж — вот что нам нужно. Повод для расправы. Мы не заставим себя просить. В двадцать четыре часа мы покончим, по крайней мере лет на пятьдесят, со всеми дурацкими бреднями наших философов и адвокатов.

Гюлен . Значит, Революция вам на руку? Вы ничего не имеете против того, чтобы народ применил кровавые насилия? А при случае совершал преступления?

Вентимиль . А почему бы нет? Любое — лишь бы побольше шума.

Гюлен . А если начнут с вас?

Вентимиль . Что за вздор!

Гюлен . Представьте, что я бы сам не прочь...

Вентимиль . Не верю.

Гюлен . Не дразните меня.

Вентимиль . Ну, ты-то, дружище, этого не сделаешь. Ты честен.

Гюлен . Почем вы знаете? Я сам уверил вас в этом, но я нахвастал.

Вентимиль . Ну нет, вот сейчас ты действительно хвастаешь. Что бы ты о себе ни говорил, от этого ты не переменишься. Ты честен — это написано на твоём лице.

Гюлен . Разве это помешает мне арестовать вас, если я захочу?

Вентимиль . Безусловно. Кто хочет быть порядочным, должен идти на известные жертвы. Что бы ты стал думать о самом себе, Гюлен, если бы ты меня предал? Разве ты не потерял бы навеки неопределимый дар — самоуважение? Не так-то легко заставить совесть молчать. Ты понапрасну выходишь из себя, Гюлен. Поверь мне — ты честный человек. Прощай! *(Удаляется.)*

Гюлен . Он издевается надо мной. Да, он меня изучил. Он прав — у мерзавцев есть и будет преимущество перед честными людьми: одни подчиняются принципам, другие — нет. Но к чему тогда честность, если по ее милости остаешься в дураках? Все дело в том, что я не могу поступать иначе. А, впрочем, так оно все-таки лучше! Да разве можно дышать, будучи нравственным уродом, человеком с низкой душой? Они одолеют нас, это яснее ясного... И довольно скоро!.. А хорошо все-таки было бы победить... Бедные мы! Они нас уничтожат! *(Пожимает плечами.)* Ну что ж...

Вдалеке слышен веселый голос Гоша, прерываемый смехом и криками одобрения. Окна в домах раскрываются. Люди высовываются посмотреть, что происходит. Демулен, Робеспьер и их друзья выходят из кофейной, где они совещались.

Это Гош! Узнаю его смех! Сразу отлегло от сердца!

Входит Гош, окруженный отрядом гвардейцев. Они, как и он, при оружии.

Военных сопровождает смеющаяся и кричащая толпа. На общем фоне выделяется своим искрящимся весельем Конта. Из другой улицы выходит, подозрительно оглядываясь, Марат.

Гош (*смеясь, показывает своим товарищам воздвигнутые народом укрепления*) . Какова работа! Посмотрите! Да у них завелись свои Вобаны! Вот молодцы! Так бы всех вас и расцеловал! Потрудились-таки! Но, черт подери, чего ради? Против кого все это, друзья мои? Не против друзей же! А враги не подумают прийти сюда — будьте спокойны!

Народ . Да здравствует гвардия!

Марат устремляется к Гошу и, расставив руки, загораживает ему дорогу.

Марат . Остановись, солдат! Ни шагу дальше!

Изумленная и заинтересованная толпа перешептывается и теснится ближе к Марату и Гошу.

Демулен . Что с ним? Совсем голову потерял...

Гюлен . И давно уж.

Марат . Отдай саблю! Разоружайтесь все!

Демулен . Дождется он, что его зарубят!

Гвардейцы . Каков прохвост!

— Чтобы я отдал мою саблю? Вот воткну ее тебе в брюхо, тогда будешь знать!

Народ . Уничтожить его!

Гош . Спокойствие! Дайте мне объясниться с ним. Я его знаю. А ну-ка, уברי руки, дружище!

Марат (*поднимаясь на цыпочки, чтобы ухватить Гоша за ворот.*) Отдай саблю!

Гош (*спокойно высвобождаясь, удерживает вырывающегося Марата*) . Что ты намерен с ней делать, приятель?

Марат . Я не позволю тебе сразить Свободу.

Гош . Не доверяешь людям, которые пришли сюда, чтобы пролить свою кровь за народ?

Марат . Кто поручится за твою преданность делу народа? Почему я должен доверять этим солдатам? Мы их не знаем!

Гвардейцы . Руби его, Гош!

Гош успокаивает их жестом; улыбаясь, смотрит на Марата и отпускает его.

Гош . Он прав. Почему он должен доверять нам? Он ведь не видел нас в деле.

Озадаченный Марат внезапно умолкает и замирает на месте.

Гвардейцы . Хороши, нечего сказать! Рискуешь ради них жизнью, а они же еще и подозревают тебя!

Гош . Ну так ведь он и вправду не знает нас. (*Ласково.*) Ты ошибаешься, Марат, но ты хорошо делаешь, что так твердо охраняешь интересы народа. (*Народу.*) Мы, солдаты и народ, понимаем друг друга с полуслова; нам не нужно долго раздумывать, чтобы распознать тех, кто достоин доверия. И все же необходима бдительность — мы на войне, и ваше право спрашивать у всех отчет в их поступках. Никто не смеет уклониться от этого.

Народ . Мы знаем тебя, Гош! Ты — друг.

Гош . Остерегайтесь друзей. (*Улыбается.*) Я не о себе говорю. Помните: пока вам трудно, можете не бояться избытка друзей — сейчас такая опасность еще не грозит вам. Но когда вы станете могущественны, ложные друзья появятся со всех сторон, и вот тогда-то

надо будет неусыпно следить за ними.

Гвардейцы . Гош всегда таков — любит давать советы другим. Учит нас быть настороже, а сам готов довериться каждому.

Гош (*смеясь*) . Это правда! Если мне приглянутся чьи-нибудь глазки, я сразу попадаюсь! Но моя глупость не приносит вреда никому, кроме меня самого. А вам ведь предстоит спасти весь мир. Не подражайте мне! Нас несколько сотен — гвардейцев. Офицеры, пронюхав о наших симпатиях к народу, хотели отправить нас в Сен-Дени, чтобы разлучить с вами. Мы покинули казармы и перешли к вам на службу. Чтобы успокоить Марата, разделите нас на группы по десять или по двадцать человек, и пусть каждая из этих групп вольется в народные батальоны... Таким образом, вы будете хозяевами над нами, а мы сможем руководить вами и обучать вас. А со мной пусть идет Марат. Ты согласен, Марат? Мы оба не останемся внакладе. Ты убедишься, что честные люди еще существуют на свете, а меня, быть может, научишь распознавать предателей, хоть я и боюсь, что ты зря потратишь время на мое перевоспитание.

Марат пожирал Гоша глазами, с напряженным вниманием следя за его речью; тут он приближается и протягивает ему руку.

Марат . Я ошибся.

Гош (*улыбаясь, пожимает ему руку*) . Как это должно быть тяжело — вечно подозревать! Я бы предпочел умереть.

Марат (*вздыхая*) . Я тоже. Но ты ведь только что сказал — речь идет не о нас, а о Нации.

Гош . Оставайся же бдительным оком народа. Но не завидую тебе; моя обязанность легче!

Марат (*глядя на Гоша*) . О, Природа! Если глаза и голос этого человека лгут, тогда честности больше не существует. Солдат! Я тебя публично оскорбил. Перед лицом народа я прошу у тебя прощения.

Гош . Ты не оскорбил меня. Кому лучше меня знать, что такое военачальник и как он может быть опасен для дела Свободы! Правительство, опирающееся на военную силу, подходит только рабам, но не свободным людям — мы ненавидим его так же, как и ты⁴. Мы по собственной воле только что разделались с той слепой силой, частью которой мы сами являлись. Примите же нас в свои объятия, дайте нам место в кругу вашей семьи, верните нам нашу былую свободу, нашу совесть, которая так долго была закована в кандалы, наше право быть людьми — такими же, как вы, равными вам, быть вашими братьями. Солдаты, станемте вновь народом! А ты, народ, весь как один стань воином — защищайся, защищай нас, защищай нашу поруганную душу! Возьмемся за руки, обнимемся, сольемся в едином дыхании! Друзья! Каждый за всех! Все за одного!

Народ и солдаты (*в порыве восторга и братских чувств целуются; слышны плач и крики*) . Да! За вас! Ради вас! Ради наших братьев — простых людей! Ради наших братьев — солдат! Ради всех угнетенных! Всех страдающих! Всех людей!

Восклицания раздаются со всех сторон, сливаясь в общий гул; слышен голос народа, голоса солдат, кричат с улицы, из окон, с балконов, где полно женщин и детей.

Гюлен . Урра! Гош! Наконец-то! Вот кто умеет разогнать тоску!

Гош (*дружелюбно обращаясь к тем, кто приветствует его из окон домов*) . Что вы торчите по своим каморкам? Какое безумие сидеть взаперти в эту дивную июльскую ночь! Человек тоскует, когда отгораживается от себе подобных! В затхлом воздухе рождаются

⁴ Подлинные слова Гоша. — Р. Р.

неверие и сомнения! Выходите на улицу! Достаточно мы насиделись дома! Настала пора дышать свежим воздухом! Идите все сюда насладиться пробуждающимся утром! Осажденный город дышит полной грудью! Ни городские стены, ни подступающие к ним полчища не могут преградить доступ ветру полей! Он несет нам привет от наших братьев крестьян. Хлеб созрел: мы соберем урожай.

Конта . До чего же он хорош! Он излучает радость. *(Направляется к Гошу.)*

Гош . А вот и вы — цветочница Свободы, госпожа роялистка, обрывавшая своими прекрасными ручками листья с деревьев Пале-Рояля, чтобы одарить народ эмблемой раскрепощения! Я знал, что вы сюда придете! Вы, значит, все-таки уверовали в нас?

Конта . Я поверю во все, во что ты захочешь. Человек с таким лицом *(показывая на него)* способен обратить меня в любую веру.

Народ смеется.

Гош *(смеясь)* . Ну, это меня не удивляет — ведь я прирожденный апостол. Что ж, становитесь в ряды — мы никого не отталкиваем. Вооружайтесь пикой — такая девушка должна уметь постоять за себя.

Конта . Меньше прыти! Ты слишком уверен, что уже завербовал меня! Я смотрю, аплодирую, даже нахожу спектакль занимательным, но сама не играю сегодня.

Гош . Вы называете все это занимательным? Вы думаете, что это игра? Посмотрите на беднягу, у которого под блузой все кости можно пересчитать, на женщину, протягивающую младенцу пустую грудь... вас все забавляет, даже эти существа, умирающие с голоду? Для вас то, что здесь происходит, занятная пьеса? То, что народ, не имея ни хлеба, ни уверенности в завтрашнем дне, утверждает права человека и вечную справедливость? Разве вам не ясно, что это посерьезнее трагедии Корнеля?

Конта . Да, но все-таки это игра.

Гош . Трагедия — не игра. В ней все серьезно. Цинна и Никомед существуют так же, как и я.

Конта . Ты — чудак! Авторы и актеры создают видимость жизни, а ты все принимаешь за чистую монету.

Гош . Вы ошибаетесь, для вас это не только видимость; вы сами не знаете себя.

Конта . До чего ты забавен! Что же, ты меня знаешь лучше, чем я сама?

Гош . Я видел вас в театре. Я видел, сколько чувства вы вкладывали в ваши роли.

Конта . И ты думаешь — это истинное чувство?

Гош . Вы невольно отдаетесь чувству, сколько бы вы это ни отрицали. Настоящая сила всегда подлинна. Она ведет вас. И я знаю лучше, чем вы сами, куда она вас приведет.

Конта . Куда же?

Гош . Тот, кто силен, идет дорогой сильных. Вы будете с нами.

Конта . Не думаю.

Гош . Что вы думаете — не имеет значения. Мир делится на здоровых и больных. Все, что здорово, тянется к жизни. Жизнь с нами. Идемте!

Конта . С тобой — куда угодно!

Гош . Однако вы решительны! Что ж! Об этом подумаем позже, если у нас будет время подумать.

Конта . Для любви всегда есть время.

Гош . Вам это внушили, и зря. Вы воображаете, что наша Революция сведется к любовной истории? О, женское легкомыслие! Вот уж полвека, как вы привыкли всем заправлять во Франции, все подчинено вам, вашим капризам, вашим причудам; и вам даже не приходит в голову, что существуют вещи поважнее вас? Забавы кончились, сударыня! Начинается серьезная игра, на карту поставлены судьбы мира. Дорогу мужчинам! Если вы сумеете — следуйте за нами в наших битвах, поддержите нас, примкните к нашей вере, но, черт возьми, не пытайтесь ее поколебать! Вы не много стоите по сравнению с ней! Не

взыщите, Конта! На мимолетное увлечение у меня нет времени. Что же касается любви, я уже отдал свое сердце.

Конта . Кому?

Гош . Свободе.

Конта . Хотела бы я взглянуть на эту деву.

Гош . Я думаю, она похожа на тебя. Сильная, хорошо сложенная, белокурая, отважная, страстная, но без твоих румян и мушек, без твоего жеманства и насмешек; она борется, а не смеется, как ты, над теми, кто борется! Она нашептывает нам не твои двусмысленности, а слова преданности и братства! Я — ее любовник! Когда ты станешь, как она, я буду твой! Вот мои условия!

Конта . Я принимаю их. Ты будешь моим. Идем сражаться! *(Вырывает ружье у своего соседа и с подъемом декламирует несколько стихов из «Цинны».)*

Погибнешь ты — твоя не омрачится слава:
На честь посмертную смерть не отнимет права.
Не честь, а только жизнь теряет в битве тот,
Кто жертвой случая в сражении падет.
Несчастья Кассия и Брута не затмили
Сиянья их имен; и хоть они в могиле,
Они живут еще в величии своем:
Мы римлянами их последними зовем...
.....
Иди за ними вслед, как честь тебе велела!

(Бросается в толпу; толпа рукоплещет ей.)

Гош . В добрый час! Пусть нас ведет Корнель! Пусть потрясает перед нами факелом героизма!

Гюлен . Куда вы идете?

Гош . Куда мы идем! *(Поднимает глаза и смотрит на дом, стоящий напротив.)*

Маленькая Жюли в одной рубашонке, радостно взволнованная, выглядывает в окно.

Спроси у этой крошки, у этого мышонка с блестящими глазками. Я хочу, чтобы она сказала за нас, что таится в наших сердцах. Пусть невинность станет нашим голосом. Куда мы идем? Куда мы должны идти?

Жюли *(поддерживаемая матерью, высовывается из окна и, протягивая к народу руки, громко кричит)* . На Бастилию!

Народ . На Бастилию!

Сквозь невероятный шум прорываются яростные выкрики; они раздаются со всех сторон, выкрикивают целые группы и отдельные лица — рабочие и буржуа, студенты и женщины.

Народ *(в неистовстве)* . В Бастилию! В Бастилию!

— Свершилось!

— Сбросим этот гнет!

— Сорвем с себя ошейник!

— Опрокинем эту проклятую глыбу, которая давит на нас!

— Символ нашего поражения и унижения!

— Могилу всех, кто осмелился сказать правду!

— Темницу Вольтера!

— Темницу Мирабо!

— Темницу Свободы!
— Воздуху! Воздуху!
— Чудовище, ты рухнешь!
— Мы тебя сроем до основания, пожирательница людей, убийца, презренная, подлая, сообщница палачей!

Толпа грозит Бастилии кулаками; возбуждение передается от одного к другому, голоса хрипнут от крика. Гюлен, Робеспьер, Марат размахивают руками, тщетно стараясь заставить себя слушать: видно, что они не одобряют принятого народом решения, но их голоса теряются в невообразимом шуме.

Гюлен (*кричит, стараясь перекрыть толпу*) . Да вы с ума сошли! Вы — сумасшедшие! Мы же разможем себе головы об эту громаду!

Марат (*скрестив руки на груди*) . Я преклоняюсь перед вашим порывом! Но стоит ли так трудиться только затем, чтобы освободить горсточку аристократов? Разве вы не знаете, что там находятся одни богачи? Это тюрьма для аристократов, только для них! Пусть они сами разбираются между собой. Вас это не касается.

Гош . Нас касается любая несправедливость. Наша Революция — не семейное дело. Если мы не так богаты, чтобы иметь родственников в Бастилии, мы все же можем породниться с теми богачами, которые несчастны, как и мы. Все, кто несправедливо обездолен, — наши братья.

Марат . Ты прав!

Народ . Мы хотим взять Бастилию!

Гюлен . Но как же вы ее возьмете, одержимые? У вас нет оружия, а у них сколько угодно!

Гош . Правильно. Надо забрать у них оружие!

В глубине сцены слышится гул.

Рабочий (*вбегая*) . Я с левого берега. Там все поднялись! С площади Мобер, с Базоша, с горы Святой Женевьевы народ двинулся к Дому Инвалидов, чтобы добыть себе оружие. Говорят, там на складе тысячи ружей. А в толпе — и гвардейцы, и монахи, и женщины, и студенты: их целая армия. Королевский прокурор и священник Сент-Этьен-дю-Мон идут во главе восставших.

Гош . Ты требовал, Гюлен, оружия. Вот оно!

Гюлен . С несколькими сотнями старых аркебуз и заржавленных касок — пусть даже с несколькими пушками, если у Инвалидов найдутся исправные, — Бастилии не возьмешь. Это все равно, что пытаться скovyрнуть ножом утес.

Гош . Я тоже думаю, что не при помощи пушек Бастилия будет взята. Но она будет взята.

Гюлен . Каким же образом?

Гош . Надо, чтобы Бастилия пала. И она падет. Боги с нами.

Гюлен (*пожимая плечами*) . Какие боги?

Гош . Справедливость, разум. Ты падешь, Бастилия!

Народ . Ты падешь!

Гюлен . Я предпочел бы союзников более реальных. Я не верю всем этим бредням. Ну что ж! А все-таки никто не посмеет сказать, что я отстал от других. Я даже хочу идти впереди всех. Вы, возможно, знаете лучше меня, что надо делать. Но действовать буду я. Вы хотите идти на Бастилию, дурачье? Идемте же!

Гош . Черт возьми! Ты всегда будешь впереди и всегда будешь твердить, что ничего нельзя сделать!

Гоншон возвращается со своим патрулем.

Гоншон . Они опять здесь! Проклятье! Вот сволочь! Гонишь их в дверь — они лезут в окно! Так-то вы меня слушаетесь? Разве я не приказал вам разойтись по домам? *(Хватает одного за шиворот.)* Ты слышишь, что я сказал? Я тебя узнаю — ты уже был тут сегодня. Слушай! Мне это надоело! Я прикажу арестовать тебя. Я всех вас переарестую. Мы обязаны охранять порядок. Всякий гражданин, который шатается ночью без пропуска, считается подозрительным.

Гош *(смеясь)* . Эта скотина собирается упрятать под арест весь народ.

Марат . Кто этот предатель, осмеливающийся уподоблять себя народу? По какому праву приказывает он Нации? Я узнаю этот мерзкий голос. Это толстяк с физиономией Силена, опухший от пороков, сочащийся распутством и наглостью. И этот спекулянт воображает, что он может командовать Революцией, как он командовал оргиями своего Пале-Рояля? Прочь отсюда! Или я немедленно арестую тебя именем народа-владыки!

Гоншон *(бормочет)* . Я представитель власти, я избран Центральным комитетом.

Народ . Власть — это мы! Мы избрали Центральный комитет. Придется тебе повиноваться нам!

Марат *(с напускной свирепостью, желая подиутить над перепуганным Гоншоном)* . Этому предателю нельзя верить: он стал на сторону народа, чтобы погубить нас. Гош хорошо сказал: если мы не будем настороже, нас задавят такие друзья. Я предлагаю, чтобы отличать своих от чужих, отрезать уши или по крайней мере большие пальцы рук всем уличенным приспешникам аристократии — это необходимая мера предосторожности.

Народ смеется.

Гоншон *(в ужасе Гошу)* . Солдат! Ты здесь для того, чтобы оказывать поддержку закону...

Гош . Стань вон там: тебе ничего не сделают. А теперь иди вперед — мы последуем за тобой.

Гоншон . Вы последуете за мной? Куда это?

Народ . К Бастилии!

Гоншон . Что?

Гош . Ты не ослышался. Брать Бастилию. Вы ведь защищаете интересы народа, господа из буржуазной милиции? Значит, ваше место в первых рядах. Не стесняйтесь, проходите вперед! Как, ты недоволен? *(Наклоняясь к уху Гоншона.)* Я знаю все твои проделки, голубчик, — ты в переписке с герцогом Орлеанским... Так вот — смирно!.. Марш вперед, — и знай: я буду глядеть за тобой в оба! Одно мое слово Марату, и... День еще не наступил, ты недурно будешь светить нам с верхушки вот этого фонаря.

Гоншон . Отпустите меня домой.

Гош . Нет! Либо мы тебя повесим, либо ты пойдешь с нами брать Бастилию. Выбирай!

Гоншон *(поспешно)* . Брать Бастилию!

Народ смеется.

Гош . Ты — храбрец! А мы, жители предместья, не позволим, чтобы гора Святой Женевьевы раньше нас прошла в дамки. Ты думаешь, Сент-Антуан так и будет сидеть сложа руки, в то время как у Сен-Жака пошли в ход и кулаки и дубинки? Звоните в колокола, бейте в барабаны, сзывайте всех граждан! *(К избирателям и депутатам.)* Вы, граждане, следите за Ратушей, чтобы нам не всадили нож в спину! Зорко следите за буржуа! А мы пойдем заарканим зверя. *(Показывает на Бастилию.)*

Маленькая Жюли спустилась с матерью вниз. Они стоят на пороге дома. Чтобы лучше видеть, Жюли взобралась на каменную тумбу и умоляюще смотрит на Гоша. Гош замечает ее и улыбается.

А, малютка! Ты тоже хочешь идти с нами? Не сидится на месте?

Она протягивает к нему дрожащие ручки и молча кивает головой.

Хорошо, идем! *(Поднимает ее и сажает к себе на плечо.)*

Мать . Вы — сумасшедший! Оставьте ее! Разве можно тащить ребенка туда, где сражаются?

Гош . А разве не она нас туда послала? Она будет нашим знаменосцем.

Мать . Не отнимайте ее у меня!

Гош . Так идемте же с нами, мать! Сегодня никто не должен отсиживаться дома! Вылезайте, улитки, из раковин! Весь город выходит из своей тюрьмы! Никто не должен отставать! Это не армия, ведущая войну, это — восставший народ!

Мать . Верно! И уж если помирать — так всем вместе!

Гош . Помирать? Ну нет! Умирает лишь тот, кто ищет смерти!

Небо за домами и Бастилией начинает светлеть.

Ура! Зарождается день, новый день! Смотрите на зарю Свободы!

Жюли *(молча улыбалась, сидя на плече у Гоша и держа пальчик во рту; вдруг она запекает тоненьким голоском народную песенку того времени)* .

Свобода! В этот день чудесный
Приди, наполни душу нам!

Гош *(смеясь)* . Зачирикал наш воробышек.

Народ смеется.

Идемте же! Веселей! Навстречу солнцу!

Подхватывает песенку Жюли и устремляется вперед; вся масса народа приходит в движение и подхватывает песню Гоша и маленькой Жюли. У кого-то нашлась флейта, и ее резкие и пронзительные звуки аккомпанируют песне. С музыкой сливаются восторженные возгласы народа и все нарастающий звон колоколов; этот слитный гул служит фоном для следующей сцены. Гоншон и дрожащие от страха полицейские идут вместе со всеми, подталкиваемые насмехающейся над ними веселой толпой, среди которой Конта и Гюлен. Мужчины и женщины выходят из домов, присоединяются к народу, бегут вслед за шествием. Буря восторга. В то время как народ шумно удаляется со сцены, Демулен, который шел со всеми до кулис, поворачивает назад, быстро влезает на баррикаду, пробирается к окну Люсилы и прижимается лицом к стеклу. До конца действия из-за сцены доносится шум толпы, звон колоколов, барабанный бой. Замешкавшиеся люди выбегают из своих домов, не обращая внимания на влюбленных.

Камилл *(вполголоса)* . Люсиль!..

Окно тихонько открывается, Люсиль обнимает Камилла.

Люсиль . Камилл!..

Целуются.

Камилл . Ты все время была тут?

Люсиль . Тише!.. Рядом спят. А я спряталась и никуда не уходила. Я все слышала и все видела.

Камилл . Ты совсем не спала?

Люсиль . Как можно спать при таком невероятном шуме? Ах, Камилл! Как они перевозносили тебя!

Камилл (*довольный*) . Ты слышала?

Люсиль . Стены дрожали от их криков. А я только посмеивалась. Мне хотелось кричать вместе с ними. Но кричать я не могла, вот и начала дурачиться; влезла на стул и... Угадай, что я сделала?

Камилл . Как же я могу догадаться?

Люсиль . Догадайся, если ты меня любишь. Если ты ничего не почувствовал, значит, ты не любишь меня. Что я тебе посылала?

Камилл . Поцелуи.

Люсиль . Ты меня любишь! Ну конечно! Целые корзины поцелуев! Правда, некоторые мои поцелуи доставались тем, кто тебе аплодировал... Они такие хорошие, они так кричали! Как ты прославился, мой Камилл, за один день, за один только день! Еще на прошлой неделе никто, кроме твоей Люсиль, не знал тебе цены... А сегодня весь народ...

Камилл . Слушай...

Слышен веселый, нестройный шум Парижа.

Люсиль . Все это... это ты вызвал к жизни все это... Всю эту чудесную кутерьму...

Камилл . Мне и самому не верится!..

Люсиль . И все это сделало твое красноречие! Как ты сумел? Мне рассказывали, что твои слова привели всех в неистовство. Как бы я хотела быть там!

Камилл . Не помню даже, что я говорил. Меня как бы подхватило и подняло над землей. Я слышал свой голос и видел свои жесты как будто со стороны. Все плакали, и я тоже плакал. Когда я кончил, они понесли меня на руках. В самом деле удивительный день!

Люсиль . О, ты великий человек! Ты — мой Патрю, мой Демосфен! И ты мог говорить перед целой толпой, и тысячи людей смотрели на тебя? И ты не смутился? Память не изменила тебе? И ты даже ни разу...

Камилл . Что?

Люсиль . Ты отлично знаешь, что заикаешься иногда... как чересчур полный флакон, из которого жидкость никак не может вылиться... (*Смеется.*)

Камилл . Злючка! Рада надо мной поиздеваться! Кошечка показывает коготки!

Люсиль (*смеясь*) . Да нет! Я же люблю тебя! Люблю таким, как ты есть. Мало этого — я отыскиваю в тебе недостатки и, когда нахожу, влюбляюсь в них. Вовсе я не злючка. Вот уж нет! Мне нравится твое заикание, уверяю тебя; я даже учусь заикаться, как ты.

Оба смеются.

Камилл . Подумать только, что за один день случилось с народом! Чего-чего мы не увидим с тобой! О Люсиль, сколько прекрасного нам предстоит свершить вместе! Это лишь первые раскаты грома! Какая радость все смести к черту — тиранов, их законы, несправедливости, предрассудки! Наконец-то! Мы разобьем носы всем этим дурацким идолам, которые с мерзкой гримасой восставали против всего, все запрещали, мешали нам думать, дышать, жить! Настала пора очистить дом, сжечь старое тряпье! Нет больше господ! Пути сброшены! Весело, правда?

Люсиль . Кто будет теперь править Парижем?

Камилл . Мы, черт побери. Разум.

Люсиль . Они кричат уж слишком громко. Я боюсь.

Камилл . Это все наделала моя речь.

Люсиль . Ты думаешь, они всегда будут слушать тебя?

Камилл . Они слушали меня, когда я был безвестен, чего же не смогу я теперь? Ведь они обожают меня! Славные люди! Когда они избавятся от зол, их удручающих, все станет легким, приятным, радостным... Ах, Люсиль! Какое счастье, и столько сразу! Нет! Его не слишком много! И никогда не бывает слишком много!.. Но счастье пьянит меня после стольких невзгод!

Люсиль . Бедный Камилл! Ты был несчастлив?

Камилл . Да, солоно мне приходилось!.. Шесть лет подряд!.. Ни денег, ни друзей, ни надежд... Покинутый близкими, я был вынужден заниматься самыми унижительными делами, рыская в погоне за несколькими су и не всегда находя их... Частенько я ложился спать голодным. Не хочется об этом рассказывать... Когда-нибудь потом расскажу все... Я доходил до крайности!

Люсиль . Неужели? Боже мой! Почему же ты не пришел ко мне?

Камилл . Чтобы ты отдала мне свой кусок хлеба?.. Да и не голод пугал меня больше всего! Без обеда можно обойтись. Но усомниться в себе, не видеть впереди никакого просвета... А потом явилась девушка, очаровательная крошка со светлыми локонами, чьи карие глазки улыбались мне из окна как раз напротив моего дома. Я шел за ней по аллеям Люксембургского сада, издали любовался невинной грацией ее движений, прелестью ее тонкого девичьего стана... Ах, Люсиль, благодаря тебе я забывал иногда о своей нищете, но еще чаще именно из-за тебя нищета казалась мне особенно невыносимой. Ты была так недосыгаема! Разве мог я мечтать, что придет день... И вот оно, это счастье, я держу его! О, я крепко держу его! Оно уже не ускользнет от меня. Ты — моя! Целовать ямочки на твои ручках — в этом для меня блаженство мира. Мира свободного благодаря мне! Как я счастлив!

Оба замирают в объятиях друг друга.

(Глядя на Люсиль.) Ты плачешь?

Люсиль *(улыбаясь)* . Ты тоже.

В соседних окнах меркнут плошки.

Гаснут огни. Наступает рассвет.

Вдали шум толпы.

Камилл *(после минутного молчания)* . Помнишь старинную английскую повесть, которую мы читали вместе, о юноше и девушке из Вероны, которые полюбили друг друга в восставшем городе?

Люсиль *(утвердительно кивает головой)* . Почему ты вспомнил о них?

Камилл . Сам не знаю. Кто может знать, что готовит нам будущее?

Люсиль *(закрывая ему рот поцелуем)* . Камилл...

Камилл . Бедная Люсиль, хватит ли у тебя сил, если несчастье постигнет нас?

Люсиль . Как знать! Возможно, именно тогда я и обрету силу, а вот ты, боюсь, будешь жестоко страдать.

Камилл *(недовольный и встревоженный)* . Ты говоришь так, словно уверена, что с нами стряется беда.

Люсиль *(улыбаясь)* . Ты слабее меня, мой герой.

Камилл *(улыбаясь)* . Ты права. Да, мне нужно знать, что я любим. Одиночество для меня непереносимо.

Люсиль . Я тебя никогда не покину!

Камилл . Никогда! Что бы ни произошло, мы все примем вместе, ничто не разлучит

нас, ничто не сможет разомкнуть наши объятия...

Короткая пауза, Люсиль замирает, склонив голову на плечо Камилла.

(Смотрит на нее.) Ты спишь?

Люсиль *(поднимая голову)* . Нет. *(Вздыхает.)* Сохрани нас бог от испытаний!

Камилл *(скептически)* . Бог?

Люсиль *(молчит, прислонившись щекой к оконной раме и обняв Камилла за шею; после паузы)* . Ты не веришь в бога?

Камилл . Еще нет.

Люсиль . Что ты хочешь сказать?

Камилл . Мы создаем его. Завтра, если только меня не обманывает сердце, завтра уже будет бог — человек.

Люсиль закрывает глаза и засыпает.

(Нежно.) Люсиль... Спит...

Робеспьер *(переходя улицу, замечает Камилла)* . Ты все еще тут, Камилл?

Камилл . Тише!

Робеспьер . Ты забываешь свой долг.

Камилл показывает на Люсиль.

(Понижая голос и разглядывая Люсиль.) Бедняжка... *(Смотрит на обоих неподвижным взглядом.)*

Приближающийся барабанный бой будит Люсиль.

Люсиль *(заметив Робеспьера, вздрагивает в испуге)* . Ах!

Камилл . Что с тобой, Люсиль? Это наш друг, это Максимилиан.

Робеспьер *(улыбаясь, кланяется ей)* . Вы меня не узнаете?

Люсиль *(все еще дрожит)* . Вы меня так испугали.

Робеспьер . Простите.

Камилл . Как ты дрожишь!

Люсиль . Мне холодно. До свиданья, Камилл! Я так устала! Пойду спать.

Камилл, улыбаясь, посылает ей воздушный поцелуй. Робеспьер кланяется. Она скрывается, так и не оправившись от испуга, ответив им лишь кивком головы. Занимается заря. Небо за Бастилией розовеет. Вместе с отдаленными криками доносится сухое шелканье первых ружейных залпов.

Робеспьер *(поворачиваясь в ту сторону, откуда доносится шум)* . Идем! Сегодня не до любви!.. *(Уходит.)*

Камилл *(спускаясь с баррикады)* . Не до любви?.. Тогда до чего же? Разве не любовь взбудоражила весь город? Разве не любовь переполнила все сердца? Разве не на алтарь любви приносится обильная жертва человеческих жизней? О моя любовь! Ты не себялюбива, ты крепкими узами привязываешь меня к людям. Ты — все. Ты объемишь мир. Не одну только Люсиль я люблю. Я люблю вселенную. Любя Люсиль, ее дорогие глаза, я люблю всех, кто влюблен, всех, кто страдает, всех, кто счастлив. Люблю все, что живет и умирает. Люблю! Я чувствую, как от пламени, которое горит в моем сердце, закипает сила народная, а на востоке, за Бастилией, алеет небо. Все тени ночи исчезают, и Бастилия тоже исчезнет, как кошмар!

Бастилия, чудовищная и мрачная, возвышается в глубине сцены на фоне пурпурного неба. Внезапно раздается выстрел из пушки, потом — крики, ружейная пальба, колокольный звон, бой барабанов.

Камилл (*смеется и показывает Бастилии нос*) . Зверь рычит... Ворчи, щерясь! Свора гончих уже окружила тебя! Король любит охоту — ну что ж, поохотимся на короля!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Вторник, 14 июля, после полудня.

Внутренний двор Бастилии⁵. Налево — подножие двух огромных башен; сами башни не видны зрителю. Башни соединены каменной громадой толстых крепостных стен, которые возвышаются подобно уступам гор. В центре сцены — ворота и подъемный мост, сообщающийся со двором Управления. Направо расположено одноэтажное здание, примыкающее к другим башням. При поднятии занавеса инвалид Бекар и его товарищи находятся на сцене — около пушек. Вентимиль, командующий инвалидами, сидит со скучающим, рассеянным видом. По подъемному мосту снуют швейцарцы, сообщая о ходе сражения, завязавшегося за внешними воротами двора Управления. За сценой перестрелка, бой барабанов и крики толпы. Над стенами поднимаются клубы дыма.

Де Лоней (*комендант Бастилии, взволнованный, возбужденный, появляется со стороны внешнего двора*) . Как вам это нравится, господин де Вентимиль? Они атакуют! Подумать только: атакуют нас!

Вентимиль (*не подымаясь с места, вялым, слегка насмешливым тоном*) . Прекрасно, господин де Лоней, пусть их атакуют. Нам-то что? Если только они не обзаведутся крыльями, как господа Монгольфье, им ни за что не проникнуть к нам.

Инвалиды (*между собой*) . Черт побери!

Бекар . Мне жаль этих дурней! Ведь их раздавят. Все они тут полягут. Эти подлецы швейцарцы стреляют по ним всюду. Нечего сказать, хорошее занятие — расстреливать беззащитных людей, когда сам находишься в укрытии, за крепостными стенами!

Один из инвалидов . Но ведь и то сказать; как могло им прийти в голову полезть на нас!

Бекар . Кто их разберет, что у них на уме! Нам этого не понять; в наши времена было по-другому. Теперь все какие-то свихнувшиеся, в особенности за последний месяц. И все же нельзя обращаться с ними, как с врагами. Не такие уж они плохие люди и к тому же ведь французы.

Инвалид . Что поделаешь, когда есть приказ! Не нужно было им соваться.

Бекар . Уж это само собой. И, знаешь ли, все-таки приятно, когда слушаешь эту музыку. Не думал я, что мне еще придется участвовать в сражении.

Де Флюэ (*командир швейцарцев, выходит из внешнего двора*) . Господин комендант, прошу вас, распорядитесь сжечь соседние дома. С крыш этих домов они могут держать под обстрелом двор крепости.

Де Лоней . Нет, нет, я не имею права уничтожать частную собственность. Не могу.

Де Флюэ . Война без пожарищ — то же, что ветчина без горчицы. Ваша щепетильность делает вам честь. Но на войне надо или ни перед чем не останавливаться, или уж ни во что не

⁵ В Бастилии было два главных двора: двор Управления коменданта, окруженный глубоким рвом и сообщавшийся с городом посредством подъемного моста с двумя караульнями, и внутренний двор, огражденный стенами и башнями; его отделял от двора Управления второй ров, второй подъемный мост и третья караульня. — *Р. Р.*

вмешиваться.

Де Лоней . Ваше мнение, господин де Вентимиль?

Вентимиль (*пожимая плечами*) . Думаю, что это безразлично. Делайте, как знаете. Нечего опасаться, что они войдут в крепость. Но если вы хотите воспользоваться случаем, чтобы очистить квартал, прилегающий к Бастилии, от мусора и заодно разогнать припожаловавших сюда крикунов, действуйте. Их отродье плодovито. Поступайте, как вам заблагорассудится, — все это не имеет ни малейшего значения.

Де Лоней . Ну, раз нам ничто не угрожает, нечего торопиться. Нас много, боевых припасов предостаточно, незачем прибегать к крайним мерам. Так ведь, папаша Бекар?

Бекар . Мы продержимся здесь до второго пришествия, господин комендант! Сорок семь лет назад я был в Праге под командой господина де Шевера. Маршал де Бель-Иль бросил нас там одних. И было нас всего лишь жалкая горсточка, а кругом вражеская страна. Мы нуждались буквально во всем. Камни, и те были против нас. И все-таки нас не вытеснили оттуда, пока мы сами не решили уйти. А сейчас кто наступает на нас? Всякий сброд, женщины, лавочники. К тому же мы защищены крепостными стенами, а в двух шагах отсюда стоят войска на Марсовом поле и в Севре. Можем сидеть спокойно и покуривать трубочку.

Де Флюэ . Если мы выждем, эти лягушки-парижане могут прыгнуть прямо нам на голову. Стоит бросить в них камнем, и они нырнут обратно в свое болото.

Де Лоней . Незачем доводить их до крайности.

Де Флюэ . Дай волку палец, он тебе руку отгрызет. Вынь висельника из петли, он тебя самого вздернет.

Бекар . Это всё бедняки, господин де Флюэ. Не надо быть с ними чересчур жестоким. Они сами толком не знают, что творят.

Де Флюэ . Разрази их гром! Ну, если они не знают, зато я знаю. Надеюсь, этого достаточно.

Де Лоней . Вы озабочены только успешным исходом сражения, господин де Флюэ. Для меня же все обстоит иначе. Я обязан думать о последствиях. Вся ответственность лежит на мне. Почему я знаю, что угодно и что не угодно двору и чего от меня ждут там?

Де Флюэ . Как! Вы не знаете, где враги короля? Мы здесь находимся по воле короля, и если на нас нападают, в нашем лице нападают на него.

Де Лоней . При крайней нерешительности его величества никто ни в чем не может быть уверен; вчерашние его враги становятся сегодня друзьями. Я либо вовсе не получаю приказов, либо получаю самые противоречивые. То мне приказывают: «Сопровитляйтесь любыми средствами», то: «Не стреляйте». Судья Флессель сообщает мне под секретом, что водит народ за нос, а на самом деле он с нами. Народу же он говорит, что водит за нос меня, а на самом деле он с ними. Кого же он предает? Как я могу быть уверен, что, исполняя свой долг, я не навлеку на себя гнев двора? Если бы там хотели действовать, разве нет у них тысячи возможностей для этого? Почему господин де Бретейль, в распоряжении которого войска Марсова поля, не ударит в спину мятежникам?

Де Флюэ . Вот это действительно было бы великолепно! Настоящая мясорубка.

Вентимиль (*де Лонейю*) . Друг мой, запомните: победителей не судят. (*Отходит и садится в тень, в углу двора.*)

Бекар (*перенеся вслед за ним его кресло*) . Сегодня ваша светлость что-то не проявляет особого пыла, как обычно в дни битвы.

Вентимиль . Они меня утомляют своими спорами. (*Показывает на де Лонейя.*) Ему все не по силам, вечно спрашивает у всех совета — сам не может ничего решить. Что мне делать с такими господами? Один — тюфяк, другой — шкурник. Дурацкое положение! И зачем только я согласился! Ни чести, ни удовольствия. Не мое дело приводить в чувство чернь — пусть этим занимается полиция.

Бекар . Да какое уж тут удовольствие — стрелять по беднякам?

Вентимиль . Ты становишься сентиментальным? Видно, такова теперь мода. Только я

ей не следую. Эти мерзавцы нисколько меня не трогают... Слышишь, как рычат? Отвратительно! Что им нужно?

Бекар . Хлеба.

Вентимиль . Однако им должно быть известно, что Бастилия не булочная! Опять! Какое упорство! Значит, они так хотят жить? Не понимаю, какая может быть радость в столь нищенском существовании? Неряхи жены да дрянное вино — вот и все доступные им удовольствия.

Бекар . Знаете, ваша светлость, как бы мало человек ни имел, он всегда дорожит тем, что у него есть.

Вентимиль . Неужели? Ну, это ты по себе судишь.

Бекар . Конечно, вы-то имели в жизни все, о чем только можно мечтать.

Вентимиль . Ты мне завидуешь? Нечему, мой милый.

Бекар . Как так нечему?

Вентимиль . Ты удивлен? Впрочем, тебе, пожалуй, и в самом деле не понять. Оставим этот разговор. Жара на меня плохо действует, я что-то захандрил.

Швейцарец (*появляясь из внешнего двора, де Лонейю*) . Ваша светлость! Мятежники взобрались на крыши соседних домов и шпарят оттуда.

Де Флюэ . Вот и прекрасно — уничтожьте их! Это же детская забава для таких стрелков, как вы!

За сценой Гош поет припев песенки, которую он пел во втором действии:

Свобода, в этот день чудесный
Приди, наполни душу нам!

Швейцарцы (*за сценой*) . Ну, ну, не задерживайся! К коменданту!

Де Флюэ . Что там происходит?

Швейцарцы (*входят из внешнего двора, толкая перед собой Гоша, который несет на плече Жюли*) . Господин комендант! Мы его зацапали, когда он прыгал через крепостную стену.

Гош (*ставит Жюли на землю*) . Гоп-ля! Вот мы и у цели! Я ведь обещал тебе, что ты войдешь первая.

Жюли (*вне себя от восторга, всплескивая руками*) . Бастилия!

Вентимиль . Это еще что за шутовство?

Гоша и ребенка обступают со всех сторон.

Гош (*спокойно*) . Господин комендант! Мы — парламентареры.

Солдаты смеются.

Де Лоней . Странные парламентареры!

Гош . У нас не было выбора. Мы подавали вам знаки, вы их не замечали. Нам не оставалось ничего другого, как перепрыгнуть через стену.

Жюли (*направляясь к швейцарцам*) . Ах, вот они!

Швейцарцы . Что тебе от нас нужно, шалунья?

Жюли . Вы заключенные?

Швейцарцы (*смеясь*) . Мы заключенные? Ну, нет! Мы те, кто их стережет.

Гош . Ты не так уж ошиблась. Они тоже узники и, пожалуй, еще больше достойны жалости, потому что у них отняли все, даже стремление к Свободе.

Де Лоней . Что это за девочка?

Гош . Наш добрый гений. Она умоляла взять ее с собой. Вот я и притащил ее сюда!

Вентимиль . Ты что, ума лишился? Можно ли подвергать ребенка смертельной опасности?

Гош . Почему бы ей не разделить с нами опасность? Ведь если умрем мы, у нее нет надежды на жизнь. Не играйте в милосердие. Ваши пушки не разбирают, в кого бьют.

Вентимиль (*со свойственной ему надменной и насмешиливой холодностью*) . Солдат, унтер-офицер — дезертир! Вот кого послал к нам парламентаром этот сброд! Отлично, расстреляйте его — только такой конец может достойно увенчать его миссию.

Де Лоней . Подождите! Надо же узнать, чего они хотят.

Вентимиль . Они не смеют ничего хотеть!

Де Флюэ . С мятежниками в переговоры не вступают.

Де Лоней . Все же не мешает узнать; повредить нам это не может.

Вентимиль . Но это непристойно: соглашаясь разговаривать с бунтовщиками, мы как бы ставим себя на одну доску с ними.

Де Лоней . Как мог ты принять на себя подобную миссию? Что это — наглость или ослепление?

Гош . Я лишь стремился помочь и вам и моим товарищам.

Вентимиль . Отдаешь ли ты себе отчет в своих поступках? Тебе, значит, непонятно, что такое изменник?

Гош . Как же, ваша светлость, изменник — тот, кто поднимает оружие против своего народа.

Вентимиль (*пожимает плечами и поворачивается к нему спиной*) . Глупец!

Гош . Прошу прощения. Я не хотел оскорбить вас. Напротив, я пришел как друг. Меня собираются расстрелять. Пусть так. Но, по чести говоря, это было бы неумно: я пришел ведь, чтобы уладить дело миром. Если тем не менее я буду расстрелян, — ну что ж, как говорится: «Достоинной смертью вся жизнь красна».

Де Лоней . Что тебе велено нам передать?

Гош (*передавая письмо*) . От Постоянного комитета города Парижа.

Де Лоней берет письмо и, отделившись от остальных, читает его вместе с двумя другими начальниками. Жюли уселась на колени к одному из инвалидов, остальные обступили ее.

Бекар . Почему же тебе так захотелось попасть сюда, плутовка? Разве ты знаешь кого-нибудь из здешних?

Жюли . Многих.

Бекар . Где же они?

Жюли . В тюрьме.

Бекар . Нечего сказать, хорошие у тебя знакомства! Кто же они? Твои родственники?

Жюли . Нет.

Бекар . А как их зовут?

Жюли . Не знаю.

Бекар . Как! Не знаешь? Ну скажи хоть, как они выглядят?

Жюли . Право, не могу сказать.

Бекар . Ах, вот как! Значит, ты смеешься над нами, шалунья!

Жюли . Нет, нет, я их отлично знаю, я их всех видела. Только это очень трудно рассказать...

Бекар . А ты попробуй.

Жюли . Мы с мамой живем недалеко отсюда, на улице Сент-Антуан. Повозки с заключенными проезжают по ночам мимо нашего дома. Я часто встаю, чтобы поглядеть на них. Я их почти всегда вижу. Но иногда я крепко сплю и не слышу, как подъезжает повозка, проснусь, а она уже проехала.

Бекар . Что тебе до них?

Жюли . Но ведь они страдают.

Бекар . Несчастье — грустное зрелище. Ни к чему тебе глядеть на них.

Жюли (*говорит таким тоном, как будто это само собой понятно*) . Мне их так жалко!

Один из инвалидов (*смеясь*) . Ха-ха! Вот так причина!

Бекар . Замолчи, болван!

Инвалид (*вначале расsvирепев*) . Болван? (*Подумав, почесывает голову.*) Да, ты прав.

Жюли (*усевшись на лафет, поглаживает пушку*) . Вы ведь не будете стрелять в нас, правда?

Инвалиды не отвечают.

Скажите же, что не будете! Я вас очень прошу! Я ведь люблю вас. Пожалуйста, полюбите и вы меня!

Бекар (*целует ее*) . Да как же можно не любить тебя, душенька?

Де Лоней (*дочитав письмо, переданное Гошем, пожимает плечами*) . Это переходит всякие границы! Господа! В переданном мне странном послании, которое составлено какими-то крючкотворами, именующими себя Постоянным комитетом, нам предъявляют нелепейшее требование: чтобы банды мятежников охраняли Бастилию вместе с нашими войсками.

Солдаты прыскают, начальники возмущены.

Вентимиль . Блестящее предложение!

Гош (*де Лонейю*) . Выслушайте меня, ваша светлость! Предотвратите резню. Против вас мы ничего не имеем. Но эта груда камней, эта злобная сила, она уже много веков давит на Париж! Позорно подчиняться слепой силе, но не менее позорно и угнетать с ее помощью народ. Это противно разуму. Вы образованнее нас и должны бы страдать от этого гораздо сильнее, чем мы. Помогите же нам, а не убивайте нас! Ведь мы боремся за торжество разума, а он — столько же ваше, сколько и наше достояние. Сдайте Бастилию, не ждите, пока ее возьмут силой.

Вентимиль . Разум, совесть — так и сыплет этими словами... Начитались Руссо и твердят, как попугаи, одно и то же. (*Де Флюэ.*) Нечего сказать, удружили вы нам!

Де Флюэ . Чем это?

Вентимиль . Да вашим Жан-Жаком... Держали бы лучше его у себя в Швейцарии.

Де Флюэ . Нам и самим он не особенно нужен.

Де Лоней (*Гошу*) . Ты — сумасшедший. Где это видано, чтобы более сильный по доброй воле сдал оружие более слабому?

Гош . Вы не сильнее нас...

Де Лоней . А эти храбрецы, а двадцать пушек, двадцать ящиков со снарядами, неисчерпаемые запасы картечи? По-твоему, это не сила?

Гош . Предположим, что вы убьете несколько сот человек. К чему это послужит? На место убитых встанут тысячи других.

Де Лоней . Нам придут на помощь.

Гош . Нет, вам не придут на помощь. Ведь вы могли бы уже давно получить поддержку. Но вы ее не получили. Король не может уничтожить весь свой народ: это было бы не только убийством, но и самоубийством. Вы будете побеждены, уверяю вас. Вот вы нам на устрашение выкатили свою артиллерию. Вы привыкли к войнам прежних времен, вам непонятна сущность этой войны; вы не знаете, что такое народ, ставший свободным. Война для вас только времяпрепровождение, вы ведь ни во что не верите. Со дня сражения при Мальплакэ вы уже не думаете о родине. Интересы неприятеля, с которым вы сражаетесь, вам ближе, чем интересы родины. Вы радовались победам прусского короля. Победа для вас — не насущная необходимость. У нас же нет выбора — мы должны победить во что бы то ни

стало! *(Инвалидам.)* Друзья мои, я вас отлично знаю, и я уважаю вас: вы славные старые воюки. Но ведь вы сражались только потому, что вам приказывали; вам неведомо, что значит сражаться за свои интересы. *(Бекару.)* Вот хотя бы вы, папаша Бекар, все мы вас любим и чтим вашу доблесть, но когда вы были в Праге окружены врагами, вы защищали свою шкуру. А мы — мы сражаемся за нашу душу, за душу наших сыновей и всех тех, кто последует за нами. Вы слышите гул у подножия этих башен? А ведь здесь только незначительная частица наших сил. В наших рядах борются миллионы, все новые поколения — незримая и мощная сила, решающая исход всех сражений.

Де Флюэ . Довольно! Надоело. Несколько пушечных выстрелов — и мы сметем все твои незримые силы.

Гош . Не стреляйте! Если вы только выстрелите — вы погибли. Народ — не регулярная армия. Нельзя безнаказанно приводить его в ярость.

Вентимиль *(сам с собой, рассматривая Гоша)* . Странная порода! И как только такие люди могли появиться у нас во Франции?.. Скорее им пристало быть немцами. Немцами? Тоже нет! Я знавал пруссаков, в которых было больше французского, чем в нем. Каким образом все так переменялось?

Гош . Подумайте о том, что сейчас еще можно договориться; но скоро будет уже поздно. Если только вы прольете кровь, ничто ее не остановит.

Де Флюэ . Скажи это твоим друзьям.

Гош *(пожимая плечами, к Жюли)* . Идем, голубь мира, они отвергают твою оливковую ветвь. *(Сажает Жюли себе на плечо.)*

Де Лоней *(Гошу)* . Никому не взять Бастилию. Она может быть сдана, но не взята.

Гош . Она будет сдана.

Де Лоней . Кто же ее сдаст?

Гош . Ваша нечистая совесть.

Гробовое молчание; Гош уходит с Жюли; никто не пытается остановить его.

Вентимиль *(в раздумье)* . Наша нечистая совесть...

Де Лоней *(резко)* . Что же это? Зачем ему дали уйти?

Де Флюэ . Он еще в первом дворе.

Де Лоней . Бегите за ним, схватите его!

Бекар . Ваша светлость, это невозможно.

Инвалиды *(глухим ропотом выражая свое согласие с ним)* . Ведь он парламентар!

Де Лоней . Как так невозможно, негодяй! Чей же он парламентар? Какой державы?

Бекар *(торжественно)* . Народа.

Де Флюэ *(швейцарцам)* . Арестуйте его!

Бекар и инвалиды *(швейцарцам)* . Нет, приятели, не выйдет! Вам его не арестовать!

Один из швейцарцев *(стараясь пройти)* . Но ведь приказано!

Бекар и инвалиды . Если пойдете, будете иметь дело с нами.

Вентимиль *(наблюдая за ними; в сторону)* . Ого! *(Громко.)* Прекрасно. *(Де Лонею.)* Не нужно настаивать.

Швейцарец *(вбегая из внешнего двора; де Лонею)* . Ваша светлость! Громадная толпа приближается сюда по улице Сент-Антуан. Они взяли приступом Дом Инвалидов. Они тащат с собой пушки — двадцать пушек.

Де Флюэ . Проклятье! Нужно же в конце концов на что-то решиться и действовать, иначе наше положение, как бы выгодно оно ни было, может ухудшиться! Предоставьте нам расправиться с этими паразитами, а то они так обгложут нас, что одни косточки останутся.

Клубы дыма поднимаются над крепостными стенами.

Де Лоней . Что это за дым?

Один из швейцарцев . Они подожгли прилегающие к Бастилии дома.

Де Лоней . Презренные! Они хотят войны без милости и пощады. Ну так они ее получают.

Де Флюэ . Открыть огонь?

Де Лоней . Подождите...

Де Флюэ . Чего же еще ждать?

Де Лоней (*спрашивая взглядом совета у Вентимилья*) . Господин де Вентимиль!

Вентимиль (*с легким презрением*) . Я вам уже высказал свое мнение. Делайте, как знаете. Я могу дать только один совет: что бы вы ни решили, не перерешайте.

Де Лоней . Пусть будет по-вашему. Господин де Флюэ, откройте по ним огонь!

Де Лоней, де Флюэ и швейцарцы уходят во внешний двор.

Вентимиль (*иронически рассуждает сам с собой. В нескольких шагах от него инвалиды стоят у своих пушек*) . Наша нечистая совесть... Этот капрал позволяет себе иметь совесть!.. Он богаче меня. Совесть... Чистая или нечистая совесть! Совесть просто нет. Честь, возможно, существует. Честь? При прежнем короле честь не мешала дворянину, если у него была красивая жена или сестра, добиваться того, чтобы король взял ее к себе в фаворитки; не задумываясь, мы женились на любовнице короля, чтобы прикрыть своим аристократическим именем, как ярлыком, низкопробный товар, подобранный в грязном притоне... Оставим честь в покое. Разве я мог бы сказать, что я защищаю здесь, что толкает меня сражаться? Верность? Преданность королю? Мы-то знаем цену своей преданности и верности, к чему же дурачить себя пустыми словами? Уже давно я перестал верить в короля. Ну так что же побуждает меня оставаться здесь? (*Пожимая плечами.*) Привычка, приличия, правила светской морали? Да, знать, что ты не прав, не верить в то, что делаешь, но идти до конца по своему пути, сохраняя корректность и утонченное изящество, — так, по-видимому, легче скрывать от самого себя полную бесполезность всего, что делаешь.

За сценой невероятный шум. Швейцарцы с де Лонеем и де Флюэ стремительно отступают из внешнего двора.

Швейцарцы . Идут!

Вентимиль . Кто? Кто идет? Кто? Народ?.. Да будет вам! Не верю!

Де Флюэ (*не отвечая ему*) . Скорее! Поднимите мост! Проклятье!

Де Лоней . Пушкари, по местам!

Швейцарцы спешно поднимают мост. Инвалиды наводят пушки на ворота. Слышится гул толпы, который, подобно морскому прибою, бьется о крепостные стены.

Вентимиль (*потрясен*) . Они вошли? Неужели же они и вправду вошли?

Де Флюэ (*захватившись*) . Уф! Только-только успели! Мерзавцы! (*Вентимилью.*) Подумайте, ведь они ухитрились опустить первый подъемный мост! Знаете дом парфюмера у самых ворот?.. А! Черт их дери! Я был прав, когда требовал, чтобы сожгли все их логовища!.. Несколько человек — каменщики, кровельщики — забрались на крышу этого дома, а оттуда перебрались, как обезьяны, на стену у караульни. Их никто не заметил. Они достигли ворот и оборвали цепи подъемного моста; мост упал прямо на толпу и раздавил не меньше дюжины этих оголтелых. Остальные ринулись на него лавиной. Слышите, как режут? Ах, сволочи!

В суматохе, поднятой солдатами и офицерами на переднем плане, зрители не сразу обнаруживают в глубине сцены, у ворот, группу швейцарцев, окружившую пленницу.

Швейцарцы (*подводя Конта*) . Нам все же удалось захватить недурную добычу.

Вентимиль (*кланяясь*) . А, это вы, Конта?.. Вы верны своему слову — пришли на свидание? Серебряная каска на белокурой головке, в руках ружье — какое прекрасное олицетворение богини Свободы! Итак, вы хотите посмотреть спектакль? Отсюда отлично видно и совсем не опасно. (*Протягивает ей руку, она колеблется.*) Вы не хотите дать мне руку? Еще недавно мы ведь были друзьями, не так ли? Разве мы уже больше не друзья?

Она, наконец, пожимает протянутую руку.

Что с вами? Что вас смущает? Почему вы молчите и почему так злобно смотрят на меня ваши хорошенькие глазки? Вас напугали?

Конта . Простите, прошу вас, простите меня... Я перестала разбираться в своих чувствах, я уже не знаю, друг вы мне или враг.

Вентимиль . Враг? Но почему же? Так вы в самом деле сражались против нас?

Конта . Вы знаете, что я рождена актрисой, а не зрительницей, и я привыкла играть только первые роли. (*Показывает ружье; один из инвалидов по знаку Вентимиля тут же отбирает его у нее.*)

Вентимиль . Вам надоело играть в Комедии, вот вы и захотели попробовать свои силы в драме. Но, понимаете ли вы, красавица моя, что ваш маскарад может стоить вам нескольких месяцев заключения?

Конта . Я рисковала бóльшим.

Вентимиль . Что это вы придумали, Конта? Вы — с этими горлодерами? (*Осматривает ее с головы до ног.*) Ни румян, ни мушек. Руки в грязи. Лицо блестит от пота. Мокрые волосы прилипли к вискам. Едва переводите дух. Забрызгана грязью до колен. Вся прокопtilась порохом... Фи! Что это на вас нашло? Я же отлично вас знаю. Вам всегда было столько же дела до этого сброда, сколько и мне.

Конта . Да.

Вентимиль . Значит, вы влюбились? Он там, в этой толпе?

Конта . Я сама так думала. Но, оказывается, дело не в любви, а в чем-то другом.

Вентимиль . В чем же?

Конта . Не знаю. Я не могу объяснить вам, что увлекло меня в битву. Вот только что мне хотелось задушить вас.

Вентимиль (*смеется*) . Вечные преувеличения.

Конта . Я не шучу, уверяю вас.

Вентимиль . Но, Конта, вам же никогда не изменял здравый смысл, вы всегда знаете, чего вы хотите.

Конта . Да, конечно, что-то меня толкало на это, но я сейчас уже не знаю, что. Я все чувствовала и понимала так ясно и глубоко, когда была с ними... Вам этого не понять, но могучие чувства народа эхом отзываются во мне. А сейчас, когда меня оторвали от него, я уже ничего не знаю, ни в чем не могу разобраться...

Вентимиль . Вы обезумели. Согласитесь сами.

Конта . Нет, нет, я убеждена, что они правы.

Вентимиль . Правы, восстав на короля. Правы, убивая порядочных людей и подставляя свои головы под пушки, не известно ради чего?

Конта . Почему же не известно?

Вентимиль . Ну да, пожалуй, вы правы, ради золота герцога Орлеанского.

Конта . С тех пор, как я с вами познакомилась, вы нисколько не изменились, дорогой мой, вы всегда подыскиваете мелкие объяснения крупным событиям.

Вентимиль . Я не считаю, что деньги — такая уж мелочь для оборванцев, у которых нет ничего. А по-вашему, их ведет что-то более возвышенное?

Конта . Их ведет Свобода

Вентимиль . А что это такое?

Конта . Ты смущаешь меня своей иронией. Когда ты так смотришь на меня, я не знаю, что тебе ответить. А если бы и знала, так не сказала бы. Это бесполезный спор. Ты не в состоянии понять. Так слушай же и смотри.

Народ *(за сценой)* . Бастилию! Возьмем Бастилию!

Вентимиль *(холодно)* . Конечно, это забавно! Очень забавно!

Де Лоней *(потрясен)* . Что движет этими безумцами?

Инвалиды *(с интересом и сочувствием наблюдая за народом сквозь бойницы, проделанные в настиле подъемного моста)* . Женщины. Священники. Буржуа. Солдаты... Смотри-ка, вот и наша девчурка на спине у Гюлена, она дрыгает ножками и вертится, как чертенок!

Де Флюэ *(швейцарцам)* . Все идет хорошо. Теперь они в мышеловке, окружены со всех сторон стенами замка. С башен мы можем уничтожить их всех.

Де Лоней . Очистите двор! Уничтожьте их!

Де Флюэ и швейцарцы бегут к Бастилии и входят в башенные ворота.

Бекар и инвалиды . Это что же такое — бойню хотят устроить? У них и оружия-то почти нет. И дети с ними!..

Народ . Бастилию! Возьмем Бастилию!

Конта и Вентимиль не следили за переговорами де Флюэ и де Лонея. Конта, вся поглощенная происходящим за сценой, прислушивается к крикам народа.

Конта *(кричит за сцену)* . Смелее! Я уже взяла ее раньше вас! Я первая вошла!

Слышится барабанная дробь.

Бекар и инвалиды *(смотрят в бойницы)* . Они опять требуют переговоров. Машут платками. Подают нам знаки!

Вентимиль *(всматриваясь)* . Прокурор города возглавляет их шествие.

Де Лоней . Узнаем же, чего они хотят.

Вентимиль . Прекратить стрельбу!

Инвалиды опустили ружья. Барабанный бой приближается к самому рву. Вентимиль и несколько инвалидов поднимаются к амбразуре, находящейся справа над воротами, откуда можно видеть нападающих.

(Народу.) Чего вы хотите?

В это мгновение с башен раздается ружейный залп.

(Оборачиваясь.) Проклятье! Что они делают?

Инвалиды и де Лоней *(поражены)* . Это швейцарцы стреляют сверху. Остановите их! Остановите!

Несколько человек бегут к башенным воротам, чтобы остановить швейцарцев.

Вентимиль *(спустившись во двор)* . Слишком поздно! А, черт их возьми, наделали дел! Слышите крики?.. Швейцарцы не промахнулись. Народ решит теперь, что мы заманили его в ловушку.

Люди за сценой кричат от боли и ярости. Вентимиль, обернувшись, видит подошедшую сзади Конту; взгляд ее полон ненависти.

(Поражен.) Что с вами, Конта?

Конта, не отвечая, внезапно бросается на Вентимиля и, выхватив из его ножон шпагу, хочет нанести ему удар. Инвалиды хватают ее за руки и удерживают, несмотря на ее ожесточенное сопротивление.

(В недоумении.) Вы хотели убить меня?

Конта молча кивает головой. Она пожирает его глазами, полными неукротимой ярости, и до конца сцены не может выговорить ни слова. Она, как загнанный зверь, задыхается и дрожит.

(Потрясен.) Вы с ума сошли!.. Что с вами? Я ведь не причинил вам никакого зла. Стреляли вопреки нашему приказу. Вы же сами были свидетельницей... Да узнаешь ли ты меня, Конта?

Она делает утвердительный знак.

Как? Значит, в самом деле ты возненавидела меня?

Та же игра.

Да говори же! Ты что, слова вымолвить не можешь?

Хочет прикоснуться к ней, она в ужасе отстраняется, отбиваясь от солдат, держащих ее за руки. Вдруг она откидывается, падает, бьется в припадке, содрогаясь и рыдая. Ее уносят, но ее душераздирающие вопли долго еще слышны издали. Из-за сцены доносятся неистовые крики толпы.

Де Лоней *(подавлен)* . Она просто озверела... Ее не узнать.

Вентимиль . Она не виновата. Какая-то отравка, идущая от этих толп, заразила ее непонятным безумием... Брр! Как все это мне ненавистно! Не могу постичь ни этой ярости, ни этой звериной страсти, словно вырвавшейся из глубин каменного века!

Швейцарцы и де Флюэ спускаются с башни.

Де Лоней *(вне себя, идет навстречу де Флюэ)* . Что вы натворили? Что вы натворили?

Де Флюэ *(взбешен)* . Я добросовестно выполнял ваш приказ! Черт возьми! Вы же приказали мне уничтожить их. Я начал приводить ваш приказ в исполнение. А вы, по-видимому, передумали, и ветер подул в другую сторону — в сторону перемирия. Кто вас тут разберет!

Де Лоней . Теперь мы погибли.

Де Флюэ . Погибли? *(Пожимает плечами и знаками приказывает швейцарцам подкатить пушки к воротам во внешний двор.)*

Бекар и инвалиды . Что вы собираетесь делать?

Швейцарцы . Три залпа из пушек — и мы очистим двор.

Бекар и инвалиды . Вы не станете стрелять.

Швейцарцы . Это еще почему?

Бекар . Стрелять в толпу? Да ведь это же гнусная бойня!

Швейцарцы . Нам-то что?

Бекар . А то, что эта толпа — наши близкие, такие же французы, как и мы.

Откатывайте-ка лучше ваши пушки; никто не собирается из них стрелять.

Швейцарцы . С дороги, старый хрыч! Пропусти нас, а то хуже будет! (*Отталкивают Бекара.*)

Инвалиды . Ах, сволочи! Немчура проклятая! (*Скрещивают штыки, преграждая им дорогу.*)

Швейцарцы . Вали их!

— Туда же задаются, лысые дьяволы!

— Вздумали пугать нас!

Бекар . Еще шаг — и получишь пулю в лоб. (*Целится.*)

Вентимиль и де Флюэ становятся между ними.

Де Флюэ . Опустите ружья! Опустите ружья! А, проклятье... (*Бросается на них и начинает направо и налево наносить удары палкой.*)

Вентимиль . Хуже бешеных псов!

Де Лоней (*в отчаянье*) . Теперь и эти взбунтовались! Тоже не хотят сражаться! Все пропало! (*Устремляется к пороховым складам.*)

Вентимиль (*останавливая его.*) . Куда вы?

Де Лоней (*вне себя*) . Умирать! Но и они умрут вместе с нами!

Вентимиль . Что вы собираетесь делать?

Де Лоней . В подвалах... Тысячи тонн пороху... Я взорву...

Инвалиды (*протестуя*) . Вы этого не сделаете!

Вентимиль . Взорвать целый квартал Парижа? Вот так героизм! Нет, черт возьми, это уж совсем нелепо! Такой поступок может быть оправдан, если веришь в свое дело, но гибнуть и губить других без всякой цели — это полная бессмыслица. Зачем впадать в крайности? Хороший шахматист при угрозе мата никогда не позволит себе смешать фигуры.

Де Лоней . Но что же делать?

Инвалиды . Капитулировать.

Де Лоней . Никогда! Ни за что на свете!.. Король доверил мне Бастилию. Я не сдам ее!

Хочет войти внутрь. Инвалиды хватают его.

Инвалиды (*Вентимилью*) . Ваша светлость, командуйте нами!

Вентимиль (*холодно*) . Господин комендант заболел. Проводите его домой и позаботьтесь о нем.

Де Лоней (*отбиваясь*) . Трусы! Предатели!

Его уводят.

Вентимиль (*про себя*) . Какой я дурак, что позволил заманить себя в это осиное гнездо!.. Теперь поздно предаваться сожалениям. Остается достойно закончить игру. (*Громко.*) Господин де Флюэ!..

Де Флюэ . Что вам угодно?

Вентимиль . Прошу вас, помогите мне составить текст капитуляции.

Де Флюэ . Марать бумагу? Благодарю, это не по моей части. (*Поворачивается к нему спиной.*)

Вентимиль пишет, облокотясь на пушку.

Один из швейцарцев (*к де Флюэ*) . Они перебьют нас всех до одного.

Де Флюэ (*флегматично*) . Вполне возможно. (*Садится на барабан и закуривает трубку.*)

Швейцарцы (*вытирая пот со лба*) . Проклятая жарница! Неужели даже глотку нечем

промочить?

Один из швейцарцев идет в помещение и возвращается с кувшином. Швейцарцы стоят слева, столпившись вокруг своего начальника, и со скучающим, безучастным видом ждут, что будет дальше. Инвалиды собираются направо, около пушки, и почтительно следят за всеми движениями Вентимиля. Бекар держит перед ним чернильницу. Вентимиль вполголоса читает Бекару то, что он уже написал. Бекар одобрительно кивает головой. Его товарищи повторяют отдельные слова, прочитанные Вентимилем, и в знак согласия тоже кивают головой.

Инвалиды (*удовлетворенно, но не без ехидства*) . Коза волка съела.

Вентимиль . Я требую, чтобы они дали слово никому не причинять вреда.

Бекар . Требовать-то все можно.

Вентимиль (*улыбаясь*) . И обещать нетрудно. (*Идет к де Флюэ.*) Угодно подписать?

Де Флюэ (*подписывая*) . Вот так война! Впрочем, меня все это не касается!

Вентимиль . Написать текст несложно, но захотят ли еще они читать его?

Инвалидов, приблизившихся к воротам, встречают градом пуль.

Инвалиды . Они взбесились. Никого не подпускают.

Бекар . Дайте-ка мне ваше посланьице.

Инвалиды . Они укокошат тебя, Бекар!

Бекар . Ну и что? Ведь я капитулирую не для того, чтобы спасти свою шкуру.

Швейцарцы . А для чего же?

Инвалиды (*показывая на народ*) . Чтобы их спасти, черт возьми! (*Между собой, с презрением глядя на швейцарцев.*) А эти ничего не понимают.

Бекар идет к воротам.

(*Бекару.*) Как же ты ухитришься передать им бумагу?

Бекар (*показывая на свою пику*) . На конце вот этого перышка.

Вентимиль (*повернувшись к башням*) . Вывесить белый флаг!

Инвалиды (*кричат*) . Эй! Там, наверху! Флаг!

Ворота открываются. Бекар поднимается к амбразуре направо от подъемного моста.

Бекар (*размахивает руками и кричит*) . Капитуляция! Капитуляция!

Его встречают бурей гневных выкриков и ружейной пальбой.

(*Он шатается и яростно кричит, показывая кулак.*) Свины! Ведь это ради вас! Ради вас же!

Инвалиды (*толпятся у амбразуры подъемного моста и кричат*) . Не стреляйте! Не стреляйте!

За сценой тоже слышны выкрики: «Не стреляйте!» и передающееся из уст в уста, нарастающее: «Капитуляция!» «Капитуляция!» Смутный гул. Спорят. Потом воцаряется полная тишина.

(*Наблюдая.*) Гош и Гюлен пробираются вперед и велят прекратить стрельбу.

— Они поняли. Вот они остановились...

— Подходят ко рву...

Бекар (*навалившись всем телом на стену, просовывает в амбразуру пику с*

нацепленным на острие текстом капитуляции) . Ребята! Торопитесь! У меня нет времени ждать!

Инвалиды (*наблюдая*) . Гюлен притащил доску. Кидает ее поперек рва...

— Вот уже кто-то переходит ров... Шатается. Падает... Нет. Удержался.

Бекар (*задыхаясь*) . Да ну, скорей же! Скорей!

Инвалиды . Вот он дотянулся до пики! Взял бумагу!..

Бекар (*выпрямляясь*) . Дело сделано... (*Смотрит на толпу.*) Эх, вы... (*Поднимает руки и кричит.*) Да здравствует народ! (*Падает навзничь.*)

Инвалиды . Негодяи! Они убили его!

Двое инвалидов идут к Бекару, поднимают его и, донеся тело до середины сцены, кладут у ног Вентимиля.

Вентимиль (*смотрит на мертвого Бекара полуиронически, полурасстроганно*) . Идти до конца по своему пути? Вот один уже и дошел.

Инвалиды (*прислушиваясь*) . Слушайте!

За сценой слышны крики, подхватываемые инвалидами.

Капитуляция принята!

Вентимиль (*равнодушно*) . Сообщите об этом господину коменданту.

Инвалиды . Ваша светлость! Он совсем спятил. Все переломал у себя в квартире, кричит и плачет, как ребенок...

Вентимиль (*пожимая плечами*) . Ну что ж! Буду замещать его до конца. (*Про себя, иронически, с оттенком горечи.*) Вот никогда не думал, что мне выпадет честь вместе с этими стенами, насчитывающими четыре века, сдать господам адвокатам французское королевство. Приятная миссия! Издевка судьбы!.. Уф! Суета сует и всяческая суета. Все тщетно, все проходит, все имеет свой конец. Смерть все примиряет. Последнее прости. Мы сыграем для них небольшую сценку под занавес, споем финальную арию. (*Громко.*) По местам! Построиться в две шеренги!

Гарнизон выстраивается во дворе. Инвалиды направо, швейцарцы налево с де Флюэ во главе. Вентимиль встает, опираясь на трость.

Сдаемся, господа! Должен вас предупредить, что, несмотря на принятые мною меры, когда противник войдет сюда, возможны всякие неожиданности. Вы знаете, что мы имеем дело не с дисциплинированной армией. Но если у них не хватит выдержки, тем больше оснований у нас сохранить выдержку. Господа швейцарцы! От имени короля я выражаю вам благодарность за службу. Вы выполнили с честью свой долг. (*С еле заметной улыбкой поворачивается лицом к инвалидам.*) Мы с вами понимаем друг друга.

Одобрительный шепот в рядах инвалидов.

Де Флюэ (*равнодушно*) . Что поделаешь, война!

Один из инвалидов насвистывает: «Где же может быть лучше, чем в лоне семьи».

Вентимиль (*поворачивается к нему с несколько пренебрежительным жестом*) . Замолчи! Не показывай так открыто свою радость! Она непристойна, мой друг!

Инвалид . Ваша светлость, это у меня нечаянно вырвалось.

Вентимиль . Ты так гордишься тем, что тебя побили?

Инвалид (*горячо*) . Нас не побили! Никогда бы им не взять Бастилии, если бы мы не

хотели, чтобы они ее взяли.

Товарищи поддерживают его.

Вентимиль . Ты хочешь сказать, что это мы взяли Бастилию?

Инвалид . Что ж, может, и так.

Вентимиль . В самом деле... Ну, становись на свое место! *(После паузы, громко.)*
Откройте ворота... Опустите подъемный мост.

Под все усиливающиеся крики толпы несколько человек открывают ворота и медленно опускают подъемный мост.

Вентимиль *(презрительно)* . Вот он, новый король!

Мост опущен. Нарастает могучий гул. Людской поток стремительно врывается в распахнутые ворота. Мужчины и женщины кричат, размахивая ружьями, пиками и топорами. В первых рядах подталкиваемый сзади Гоншон потрясает саблей и орет во всю глотку. Гош и Гюлен выбиваются из сил, стараясь утихомирить крикунов. Победные клики и призывы к расправе.

(Обнажая голову.) Приветствуем госпожу чернь!

Инвалиды *(охваченные внезапным порывом, подбрасывают шапки в воздух)* . Да здравствует Свобода!

Вентимиль . Господа! Хоть бы приличия ради!

Инвалиды *(еще громче, приходя в неистовый восторг)* . Да здравствует Свобода!
(Бросают оружие и обнимаются с народом.)

Вентимиль *(презрительно, пожимая плечами)* . Как ты слаб, бедный человеческий разум! Прощайте, господин де Вентимиль! *(Ломает свою шпагу.)*

Подталкиваемый сзади, совсем потерявший голову Гоншон, старая торговка фруктами и толпа разъяренных женщин бросаются на Вентимиля, де Флюэ и солдат, окружают их, тащат и с неистовыми воплями выталкивают со сцены.

Гоншон . Потроши их, ребята!

Старуха . Аристократишки поганые!

Народ . Сволочи швейцарцы!

— Я-то их знаю! Вот она, хромоногая команда!

— Ха! Наши враги! Бей их!

— Они стреляли в нас!

Гош и Гюлен стараются удержать толпу. Их оттесняют и прижимают к стене.

Гош . Остановитесь! Остановитесь!

Гюлен . Куда там! Легче остановить разлив Сены.

Гош . Тебя ранили?

Гюлен *(со смехом)* . И знаешь кто? Гоншон.

Гош . Этот трус!

Гюлен . Сейчас он озверел. Самые трусливые псы кусаются, когда у них вырывают кость. Посмотри-ка на него!.. А Конта! Видишь, как она потрясает пикой. А эта старуха вцепилась в горло поверженному Вентимиллю...

Гош *(вне себя, наносит удары направо и налево, стремясь пробиться вперед)* . Я убью их!

Гюлен . Оставь, все равно не пробиться, не пробиться, говорю тебе!

Гош (*оттеснен толпой*) . Безумцы!

Гюлен . А ты разве не знал, каковы они?.. Что поделаешь! Ведь не мы с тобой сотворили их такими.

Толпа . Инвалид убежал!.. Бей его!

Демулен . Старый, безногий урод! Уберите чучело! В воду этих страшилищ!

Гош (*хватая Демулена за горло*) . Замолчи!

Демулен (*ошеломлен*) . Почему?

Гош . Ты пьян.

Демулен (*не понимая*) . Пьян? Но я... я...

Гош . Ты опьянел от крови. Замолчи!

Демулен (*проводя рукой по лбу*) . Да... Да... Ты прав. (*Садится на тумбу.*)

Гюлен . Помоги нам!

Народ (*расчищая дорогу Марату*) . Да здравствует Марат!

Марат . Что вы тут делаете, дети мои?

Женщины . Бейте их... Убивайте...

Марат . Убивать! А на что вам это? Разве вы собираетесь их съесть?

Народ смеется.

Гюлен . Он умеет с ними разговаривать. Их надо рассмешить.

Гош . Где малютка?

Гюлен . Где малютка?

Гош бежит искать Жюли.

Демулен (*бросается вперед*) . Остановитесь, товарищи, вы убиваете заключенных.

Народ (*в недоумении*) . Заключенных?

Демулен . Узников Бастилии. Видите, на них серые балахоны! Ведь это те, кого мы шли освобождать.

Народ (*в нерешительности*) . Да нет же, это наши враги.

Гюлен . У нас больше нет врагов.

Жюли (*на плече у Гоша, простирает руки с зеленой ветвью и кричит*) . Пощады нашим друзьям, нашим друзьям-врагам!

Народ (*смеясь*) . Вы слышите, что говорит малютка?

Гош (*ставит ее на лафет пушки так, что Жюли несколько возвышается над толпой*) . Кричи, малютка: «Все — братья, все — друзья!»

Жюли . Братья! Братья!

Народ . Все — братья, она права!

Инвалиды . Да здравствует народ!

Народ . Да здравствуют наши славные ветераны!

Инвалиды (*к Жюли*) . Малютка, ты спасла нас!

Народ . Но она же и победила вас, товарищи! Эта крошка взяла Бастилию.

Марат . Ты — наша совесть!

Народ . Ты — наша маленькая Свобода!

Протягивает к ней руки. Женщины посылают ей воздушные поцелуи.

Гош (*ударяя по плечу Гюлена, разделяющего общий восторг*) . Ну как, Гюлен, вечный скептик, теперь и ты убедился?

Гюлен (*вытирая глаза, упрямо*) . Да... но...

Смех Гоша и народа не дает ему договорить. Он умолкает, а потом смеется громче всех. Осмотревшись по сторонам, он видит у входа во двор, в нише, статую

короля, решительно направляется туда и вытаскивает статую.

К черту! Дай место Свободе! (*Бросает статую на землю, берет на руки маленькую Жюли и ставит ее в нишу на место статуи.*) Бастилия низвергнута!.. Я это совершил, я! Мы все совершили... И то ли мы еще сделаем! Мы очистим авгиевы конюшни, освободим землю от чудовищ, задушим своими руками льва монархии. Пусть наш кулак ударит по деспотизму, как молот по наковальне. Будем смело ковать Республику, товарищи!.. Слишком долго я сдерживал накопившуюся во мне силу, она распирает мне грудь и льется через край! Несись вперед, поток Революции!

Старая торговка фруктами (*верхом на пушке, с красной повязкой на голове*) . На Версаль, к королю! Я уже оседлала лошадку! Я взяла ее с бою, запрягу в свою тележку, и поскачем в Версаль! Навестим жирного Луи. Мне есть о чем поговорить с ним. Веками копилась во мне обида... Натерпелась я... Сил больше нет, пора и отдышаться. Я была покорной скотинкой, верила, что так и надо — страдать в угоду богачам!.. Теперь я поняла!.. Я жить хочу, жить хочу!.. Какая жалость, что я уже старуха! Черт побери! Я хочу наверстать упущенное!.. Н-но, н-но, моя милая, едем ко двору! (*Проезжает верхом на пушке, подталкиваемая толпой, в которой выделяются люди в касках и боевых доспехах, но с обнаженными икрами.*)

Народ . Во дворец! В Версаль!

— Да, мы слишком долго страдали! Мы хотим счастья! И мы добудем себе счастье!

Демулен (*с зеленой веткой в руке*) . Лес Свободы вырос на бульжниках мостовой. Зеленые ветви колышутся на ветру. Старое сердце Парижа вновь расцветает. Вот она — весна!

Народ (*разражается криками ликования и гордости, все украшают себя зелеными ветками, зелеными кокардами, зелеными бантами, зелеными листьями*) . Мы — свободны! Небеса — свободны!

Заходящее солнце проникает в пролет подъемного моста и затопляет пурпурным светом двор Бастилии и толпу с ветками в руках.

Гош . Солнце! Усни спокойно, мы недаром прожили этот день.

Конта . Его заходящие лучи окрашивают в пурпур окна Бастилии, колеблющиеся на ветру ветви, безбрежное человеческое море и нашу юную Свободу.

Гюлен . Небо возвещает войну.

Марат . Как и тот, кто вошел в некий город семнадцать веков назад, приветствуемый колыханием ветвей, эта малютка появилась среди нас не для того, чтобы возвестить мир.

Демулен . На нас — кровь.

Робеспьер (*с неистовым фанатизмом*) . Это наша кровь!

Народ (*в крайнем возбуждении*) . Это моя кровь!..

— И моя!..

— Мы приносим ее в дар тебе, Свобода!

Демулен . Что стоят наши жизни! Великое благо не достается даром!

Гош . Мы готовы заплатить за него.

Робеспьер (*глубокомысленно*) . И заплатим.

Народ (*восторженно*) . Заплатим!

Вокруг Свободы образуется хоровод. Музыка.

Конта . Какая радость быть вместе со всеми, любить вместе со всеми, радоваться и страдать со всеми! Возьмемся за руки! Закружимся в братском хороводе! Пой, народ Парижа, ведь это твой праздник!

Марат . Возлюбленный народ! Как долго ты молча страдал и молча боролся. После многовековых мучений наступил, наконец, вожделенный час! Свобода принадлежит тебе.

Храни же как зеницу ока свое завоевание!

Демулен (*в зрительный зал*) . А теперь я обращаюсь к вам! Доведите до конца наше дело! Бастилия пала, но в мире остались другие Бастилии. На приступ! На приступ против всяческой лжи, против мрака! Разум победит силу! Прошлое уничтожено! Смерть умерла!

Гюлен (*к Жюли*) . О наша Свобода! Наш светоч, наша любовь! Как ты юна еще! Как хрупка! Сможешь ли ты устоять среди надвигающихся бурь? Набирайся же сил, крепни, наше дорогое растение, стань высоким и сильным, порадуй мир твоим чистым, как ветер полей, дыханием!

Гош (*с саблей наголо поднимается на ступеньки около ниши, где стоит юная Свобода*) . Будь спокойна, Свобода, мы защитим, мы охраним тебя! Горе тем, кто посмеет тебе угрожать. Ты — наша, а мы — твои! Тебе принесены эти жертвы, тебе принадлежат наши трофеи!

Женщины бросают к ногам Свободы цветы; мужчины склоняют перед ней пики, знамена, зеленые ветви — трофеи Бастилии.

Но это только начало. Мы создадим тебе бессмертную славу. Дочь парижского народа! Твои ясные глаза будут светить всем поработленным народам. Мы пронесем по всему свету мощный клич равенства и братства. Нашими саблями, нашими пушками мы в битвах проложим по всей вселенной путь твоей колеснице. Человечество придет к любви, к братству! Братья! Все — братья! Все — свободны!.. Идемте же освободить мир!

Над головами вздымаются шпаги, пики, зеленые ветки, взмывают платки, летят шапки; раздаются крики восторга, звучат победные трубы. Народ образует хоровод вокруг Свободы.

ВАРИАНТ ДЛЯ ПРАЗДНИЧНОГО НАРОДНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ С ОРКЕСТРОМ И ХОРАМИ

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ (См. соответствующую страницу)

Подъемный мост Бастилии опущен. Нарастает мощный гул. Людской поток стремительно врывается в распахнутые ворота на сцену. Мужчины и женщины кричат, размахивая ружьями, пиками и топорами. В первых рядах, подталкиваемый сзади, Гоншон потрясает саблей и орет во всю глотку. Гош и Гюлен выбиваются из сил, стараясь утихомирить крикунов. Победные клики и призывы к расправе.

Вентимиль (*иронически*) . Прощайте, господин де Вентимиль! (*Обнажает голову.*)
Приветствуем госпожу чернь!

Инвалиды (*охваченные внезапным порывом, кричат и размахивают шапками*) . Да здравствует Свобода!

Вентимиль . Господа, хоть бы приличия ради!..

Инвалиды (*в диком восторге*) . Да здравствует Свобода! (*Бросают ружья и обнимаются с народом.*)

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ СЦЕНА **НАРОДНЫЙ ПРАЗДНИК. ТОРЖЕСТВО СВОБОДЫ**

Вторник, 14 июля, 7 часов вечера. Площадь Ратуши.

Люди снуют во всех направлениях; все украшены зелеными кокардами, зелеными бантами, зелеными листьями; в руках — зеленые ветви; царит необычайное оживление — ощущение своей силы, гордости и радости, наполняющее все сердца, переливается через край, над этим людским океаном, подобно пене на разбивающихся об утесы волнах, появляются фигуры мужчин, женщин и детей, взобравшихся на крыши карет и повозок, остановленных толпой, на лестницы, скамейки, фонари, на плечи друг к другу. У всех в руках зеленые ветви — целый лес ветвей, колышущихся в лучах заходящего солнца.

При поднятии занавеса — торжественная музыка, которая завершается взрывом народного ликования и восторга.

Народ (*заполняя всю сцену, потрясает зелеными ветвями и восклицает хором*) . Свободны! Мы — свободны!

Демулен (*с зеленой веткой в руке*) . Лес Свободы вырос на булыжниках мостовой! Зеленые ветви колышутся на ветру! Старое сердце Парижа вновь расцветает. Вот она — весна!

Народ (*в один голос*) . Мы — свободны! Небеса — свободны!

Возгласы вспыхивают то здесь, то там, как зарницы.

— Отсекли зверю лапу, которую он занес над нашей головой!
— Наступили пяткой ему на горло!
— Бастилия взята! Взята!

В один голос:

— Мы победили!

Демулен . Это пугало, эта Бастилия, эта львиная шкура, которой они прикрывали свою кровожадную трусость, сдернута с их плеч!.. И вот перед нами голый король, дрожащий и смешной! Король — враг!

Народ . Шах королю! Король побежден!

Старая торговка фруктами (*верхом на пушке, с красной повязкой на голове*) . На Версаль, к королю! Я уже оседлала лошадку! Я взяла ее с бою! Запрягу ее в свою тележку, и поскачем в Версаль! Навестим жирного Луи, господина Капета-старшего. Мне есть о чем поговорить с ним. Веками копилась во мне обида... Натерпелась я... Сил больше нет, пора и отдышаться. Я была покорной скотинкой, верила, что так и надо — страдать в угоду богачам! Теперь я поняла!.. Я жить хочу, жить хочу!.. Какая жалость, что я уже старуха!.. Черт побери! Я хочу наверстать упущенное! Н-но, н-но, моя милая, едем к королю!

Проезжает верхом на пушке, подталкиваемая толпой; здесь и народ и буржуа; на многих надеты каски, щиты и всяческие доспехи, в руках ружья, копья. Впереди четыре барабанщика, человек в отрепьях, с голыми ногами, женщина, ребенок и старый буржуа — тип судейского чиновника, степенного и полного чувства собственного достоинства.

Воинственно-комический марш. Барабаны и флейта.

Народ . Во дворец! В Версаль! К королю!

— Да, мы слишком долго страдали! Мы хотим счастья! И мы добудем себе счастье!

Конта (*белокурые волосы ее развеваются на ветру, руки, шея и грудь обнажены; в руках зеленая ветвь, и сама она обвита зелеными гирляндами; ее окружают женщины, юноши, дети, держащие, как и она, длинные зеленые ветви*) . Мы завоевали победу! Сердце у меня в груди прыгает от радости, я — как коза, пасущаяся в винограднике Свободы! Я пьяна, пьяна, меня неудержимо влечет куда-то. Что сделала я для Свободы? Не знаю. Я знаю только, что я — победительница. Я заставила сдаться врагов. О, какое счастье чувствовать,

что ты растворяешься в людском океане, что ты одна из волн, танцующих в его прибое!.. О народ, твое дыхание стало моим, я люблю тебя, я хочу быть твоим голосом, голосом, возвещающим твою победу и твою радость.

Демулен . Вакханка Революции, опьяненная Свободой, чем проникнута ты — любовью или ненавистью? Твои влажные губы и твои взоры сулят одновременно и негу и смерть. Пальцы твои покраснели от вина или от крови? Все равно! Я люблю тебя, Победа! Эвоз! Будем славить Свободу!

Музыка.

Монахи и священники (*матуринцы, капуцины, вооруженные ружьями священники идут с крестами и хоругвями и поют*) . Domine, salvam fac gentem, et exaudi nos in die qua invocaverimus Ge!⁶

Народ . Да здравствуют тонзурики! Да здравствует святая Женевьева!

Демулен . Да здравствуют папишки, кардиналишки, епископишки, попишки, инокишки! Да здравствуют архиболваны!

Студенты (*в обнимку с девушками поют песенку Вадэ под аккомпанемент кларнетов и гитар*) .

Дар неоценимый,
Горячо любимый, —
Вольность, вольность, —
Лишь в нее
Сердце влюблено мое.

Народ . Да здравствует судейское сословие!

Демулен . Шапки долой перед канцелярской братьей! Ведь это она сразила Бастилию!

Один из студентов (*толкая перед собой тачку*) . По десять су, всего по десять су — камни Бастилии!

Народ (*смеясь*) . Ах, шутники! Медведь еще не добит, а они уже торгуют его шкурой!

Студент . Булыжник!

Другой студент (*несет плакат с надписью: «Писатель, оставшийся без квартиры по случаю закрытия Бастилии!»*) . Сжальтесь, граждане, куда же теперь деваться честным людям? Нет больше Бастилии.

Толпа смеется. Группа студентов, крича и смеясь, несет на плечах Гоншона.
У Гоншона в руке сабля, на голове лавровый венок. Он похож на Силена.

Студенты . Бесстрашный Гоншон!

— Герой поневоле!

— Гоншон Полиоркет!

Народ . Гоншон — враг королей! Гроза аристократов!

Студенты . Он так трусил, что вошел первым. Он мчался сквозь неприятельский строй, всех врагов обращая в паническое бегство.

Демулен . Негодяй! Кто тебе разрешил брать Бастилию? Тебя бы надо высечь за то, что ты присвоил себе честь, которой ты недостойн.

Студент . Его хозяева рассчитаются с ним за нас. Они его повесят.

Студенты . Тебя повесят, Гоншон! Ты ведь взял Бастилию!

Студенты подбрасывают Гоншона. Дрожащий, растерянный, Гоншон

⁶ Господи, помилуй нас и услыши нас в день, когда мы взываем к тебе! (*лат.*)

салютует саблей и приветственно размахивает своим венком. Толпа танцует вокруг него, напевая на всем известный мотив шуточной песенки: «Ты будешь повешен, Гоншон, будешь повешен, повешен, повешен!»

Демулен . Негодяй и впрямь возомнил себя героем. Вздуйте его!

Марат (*умиротворенный, улыбаясь, радуясь вместе со всеми*) . Дай им посмеяться вдоволь. Победителям не к лицу ненависть. Порок вызывает у них только насмешку. Пусть этот шут потешает народ!

Сзади Гоншона и группы студентов идут рабочие и крестьяне с орудиями своего труда: кузнецы в фартуках с молотами в руках; мясники с ножами; дровосеки с топорами; крестьяне с косами и цепями. Следом за ними дюжина силачей несет ворота Бастилии, на которых прямо и неподвижно стоит маленькая Жюли с зеленой ветвью в руках. Крики восторга несутся со всех сторон, предшествуя появлению Жюли, сопутствуя ей и продолжая звучать ей вслед. У ног Жюли положены железные цепи. Возглавляют шествие Гош и Гюлен. Гюлен с непокрытой головой, с обнаженной шеей, засучив рукава, несет на плече топор, у Гоша на острие сабли — акт о капитуляции Бастилии.

Демулен . Диоскуры! Гош и Гюлен! А маленькая девственница попирает своими босыми ножками символ поверженного деспотизма — ворота Бастилии!

Народ . Акт о капитуляции!

— Ключи!

— Цепи!

Марат . Разбиты цепи, сковывавшие Человека!

Демулен . Клетка открыта. Лети, вольная птица — Свобода!

Народ (*узнает швейцарцев и инвалидов, тоже принимающих участие в шествии*) . А это что за птицы?

— Это подлецы швейцарцы!

— А, этих я знаю! Хромоногая команда!

— Вот они, враги! Бей их! Они стреляли в нас!

Свист, попытки вступить в драку. Гош, Гюлен и Марат сдерживают толпу.

Марат . Что вы собираетесь делать? Съесть их, что ли?

Народ хохочет.

Гюлен . Битва окончена.

Гош . Нет больше врагов.

Маленькая Жюли (*кричит*) . Пощады нашим друзьям — нашим друзьям-врагам!

Народ (*смеясь,*) . Слышите, что говорит малютка?

Гош . Все — братья, все — друзья!

Жюли . Братья! Братья!

Народ . Все — братья, она права!

Инвалиды . Да здравствует народ!

Народ . Да здравствуют наши славные ветераны!

Инвалиды (*к Жюли*) . Малютка, малютка, ведь ты спасла нас!

Народ . Но она же и победила вас, товарищи! Эта крошка взяла Бастилию.

Марат . Ты — наша совесть.

Народ . Ты — наша Свобода!

Все простирают к ней руки. Женщины посылают Жюли воздушные поцелуи. Она закрывает от волнения глаза и с улыбкой тоже протягивает им руки.

Гош (ударяя по плечу Гюлена, разделяющего общий восторг) . Ну как, Гюлен, вечный скептик, теперь и ты убедился?

Гюлен (вытирая глаза, упрямо) . Да... но...

Смех Гоша и народа не дает ему договорить. Он умолкает, а потом смеется громче всех. Осмотревшись по сторонам, он видит в угловой нише дома, выходящего на площадь, статую святого или короля, устремляется туда и вытаскивает статую из ниши.

К черту! Дай место Свободе! (Бросает статую на землю, берет на руки маленькую Жюли и ставит ее в нишу, где стояла статуя) . Бастилия низвергнута!.. Я это совершил, я! Мы все совершили! И то ли мы еще сделаем! Мы очистим авгиевы конюшни, освободим землю от чудовищ, задушим своими руками льва монархии. Пусть наш кулак ударит по деспотизму, как молот по наковальне. Будем смело ковать Республику, товарищи!.. Слишком долго я сдерживал накопившуюся во мне силу, она распирает мне грудь и льется через край! Несись вперед, поток Революции!

Музыка. Оркестр без хора. Героический марш. Лучи заходящего солнца окрашивают пурпуром площадь, толпу, зеленые ветви и юную Свободу.

Гош . Солнце! Спи спокойно, мы не даром прожили этот день.

Конта . Его заходящие лучи окрашивают в пурпур окна Бастилии, колеблющиеся на ветру ветви, безбрежное человеческое море и нашу юную Свободу.

Гюлен . Небо возвещает войну.

Марат . Как и тот, кто вошел в некий город семнадцать веков назад, приветствуемый колыханием ветвей, эта малютка появилась среди нас не для того, чтобы возвестить мир.

Демулен . На нас — кровь.

Робеспьер (с неистовым фанатизмом) . Это наша кровь.

Народ (в крайнем возбуждении) . Это моя кровь!..

— И моя!..

— Мы приносим ее в дар тебе, Свобода!

Демулен . Что стоят наши жизни? Великое благо не дается даром.

Гош . Мы готовы заплатить за него.

Робеспьер (глубокомысленно) . И заплатим!

Народ . Заплатим.

Взявшись за руки, люди начинают водить хороводы. Последующие слова произносятся под аккомпанемент музыки.

Демулен . Цветок Свободы распустился в темнице поработанного мира. Твоя зеленая ветвь, о малютка, это волшебная палочка; мы разбудим усыпленную землю, и она даст обильный урожай счастья. Свобода! Ты истинное светило дня, ибо ты озаряешь жизнь светом нашей воли. Жизнь начинается только сегодня. Мы — хозяйева своей судьбы. Мы подчинили себе темные силы мира. (Внезапно поворачивается к зрителям.) А теперь я обращаюсь к вам! Доведите до конца наше дело! Бастилия пала, но в мире остались другие Бастилии. На приступ! На приступ против всяческой лжи, против мрака! Разум победит силу! Прошлое уничтожено! Смерть умерла!

Пение и танцы.

Конта (зрителям) . Братья, будем петь вместе! Наш праздник — это и ваш праздник. Он не мимолетное воспоминание о прошлом и не пустой его образ, это наша общая победа,

это ваше раскрепощение! Мы разрушили стены, разделявшие людей! Души людей слились в одну человеческую душу! Века — в один век! Смеяться, смеяться и любить! Радость вселилась в нас. Радость быть заодно со всеми, любить и страдать со всеми! Возьмемся за руки! Закружимся в братском хороводе! Пой, ликуй, ведь это твой праздник, о народ Парижа!

Пение и оркестр в зрительном зале.

Марат (*зрителям*) . Возлюбленный народ! Как долго ты страдаешь молча! После многовековых мучений наступил, наконец, вожделенный час! Свобода принадлежит тебе. Храни же как зеницу ока свое завоевание!

Гюлен (*маленькой Жюли*) . О наша Свобода! Наш светоч! Наша любовь! Как ты юна еще! Как хрупка! Сможешь ли ты устоять среди надвигающихся бурь? Набирайся же сил, крепни, наше дорогое растение, стань высоким и сильным, порадуй мир твоим чистым, как ветер полей, дыханием!

Трубы.

Гош (*с саблей наголо поднимается на ступеньки около ниши, где стоит маленькая Жюли*) . Будь спокойна, Свобода! Мы защитим, мы охраним тебя! Горе тем, кто посмеет тебе угрожать! Ты — наша, а мы — твои! Тебе принесены эти жертвы, тебе принадлежат наши трофеи!

Женщины бросают к ногам Свободы цветы, мужчины склоняют перед ней пики, знамена, зеленые ветви — трофеи Бастилии.

Но это только начало! Мы создадим тебе бессмертную славу. Дочь парижского народа! Твои ясные глаза будут светить всем поработенным народам. Мы пронесем по всему свету мощный клич равенства и братства. Нашими саблями, нашими пушками мы в битвах проложим по всей вселенной путь твоей колеснице. Человечество придет к любви, к братству! Братья! Все — братья! Все — свободны!.. Идемте же освобождать мир!

Хоры на сцене и в зрительном зале. Над головами вздымаются шпаги, пики, зеленые ветви, взмывают платки, летят шапки, раздаются крики восторга. Народ образует хоровод вокруг Свободы.

ПРИМЕЧАНИЕ К ПОСЛЕДНЕЙ СЦЕНЕ

Как указано в заголовке, сцена изображает народное празднество, праздник народа Франции тех времен и нынешних. Замысел требует, чтобы зрители приняли участие в финальных хороводах, песнях и танцах.

Смысл картины в том и состоит, чтобы слить воедино зрителей и сцену, перебросить мост в зал, претворить драматическое действие в реальность. Действующие лица внезапно обращаются непосредственно к зрителям. К ним взывают Демулен, Конта, Марат, Гош. Но этого недостаточно, нужно еще что-то, кроме слов. Чтобы придать пьесе логическое завершение и раскрыть общий смысл исторического события, необходимо вмешательство еще одной мощной силы — музыки. Музыка — неодолимая сила звуков, побуждающая пассивную толпу к действию, волшебная сила, заставляющая забывать о времени и придающая всему непреходящее значение.

Музыка должна служить здесь фоном картины, ею должна быть пронизана словесная ткань. Ни на минуту она не должна умолкать — то мощная, отчетливо звучащая, то приглушенная, едва уловимая. Ее назначение — оттенить героический смысл праздника и

заполнить собою паузы, так как актерам, изображающим толпу на сцене, несмотря на всю гамму возгласов и криков, трудно создать иллюзию непрерывности жизни. Не столь важно, чтобы зрители отчетливо различали каждое слово, произносимое толпой на сцене, так же как и каждую ноту оркестра и хора; важнее общее впечатление народного торжества и ликования.

Мне хотелось бы, чтобы во всем спектакле звучала властно и настойчиво одна тема — тема радости и действия, тема Свободы, завоевывающей весь мир. Эта тема намечается в самом начале и, разрастаясь мало-помалу по мере приближения к развязке, неотступная, неумолимая, подавляет собой все остальные, боковые сюжетные линии спектакля; именно эта идея всецело овладевает народными массами⁷.

В основу спектакля необходимо положить принцип нового народного искусства, принцип, который не сегодня-завтра непременно будет воплощен в жизнь: *зрители должны участвовать в спектакле не только мыслями и чувствами — пусть звучит их голос, пусть они действуют. Народ должен стать действующим лицом народного праздника*.

Чтобы достичь нужного мне эффекта, оркестр и хоры должны властно выделять основную тему, вступая в действие в нижеследующем порядке:

1. После слов Гюлена, ставящего маленькую Жюли в нишу на место статуи, пусть раздастся стремительный, героический марш, способный поднять народные массы на битву, напоминающий звучанием марш си-бемоль в последней части Девятой симфонии.

2. После гимна Свободе, воспетой Демуленом, и его призыва, обращенного к народу, на сцене должна зазвучать радостная, юношески светлая и бодрая мелодия.

3. Эта мелодия должна быть подхвачена после гимна Конта хором или несколькими хорами голосов в зрительном зале (в верхних ярусах театра) или на площади (если спектакль идет на открытом воздухе) в рядах зрителей.

4. После речи Гоша мелодия должна быть подхвачена хорами на сцене и *во всех ярусах зрительного зала, должна звучать на всех концах площади, ее должны петь разные голоса, небольшие хоры и повторять маленькие оркестры, размещенные среди зрителей и невольно вовлекающие их в общий хор*. Если в публике будет хотя бы немного рабочих и молодежи, для которых страсти Революции — их собственные страсти, ручаюсь, что они присоединят свои голоса к хору.

5. Наконец, к хорам и музыке, вступающим после первых же слов Гоша, обращенных к юной Свободе, всюду на сцене, в зрительном зале или на площади, присоединяются, при последних его словах, звуки труб, начинаются танцы, хороводы, слышны голоса народа и войск.

⁷ Музыка по духу должна быть близка к Корнелю (или Расину), выдержана в стиле революционных песен (гимнов Госсекса, Мегюля, Керубини, наивных хороводных песенок Гретри) и навеяна могучими творениями Бетховена, которые лучше всех передают пламень революционной эпохи (финал симфонии до-минор, победная симфония «Эгмонт», финал девятой симфонии).

Но прежде всего музыка должна быть проникнута страстной верой. Создать нечто поистине великое сможет лишь тот, кто проник в душу народа, в чьей груди горит пламень страстей, которые я и изобразил здесь.